

ЛАБИРИНТ

A man in a dark suit stands with his back to the camera in a dark, grassy field at night. He is looking towards a large, multi-story building that is engulfed in bright orange and yellow flames. The fire is very intense, with thick smoke rising. In the foreground, a white dog is running across the grass. The overall atmosphere is dark and dramatic.

Дмитрий Болотин

18+

Дмитрий Болотин

Лабиринт

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43713618

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-08994-5

Аннотация

Что бы Вы предприняли, если бы узнали, что Вас и близких Вам людей собираются в ближайшее время убить? Андрею, руководителю среднего звена, на протяжении трёх недель неоднократно предстоит задуматься над этим вопросом, постоянно выбирая между добром и злом. Всякий раз решение необходимо принять максимально быстро, так как с каждым днём количество жертв растёт и убийца подбирается всё ближе. Книга представляет собой понимание автором книг Эриха Фромма, оформленных в виде художественного романа.

Содержание

РАБОЧИЕ ВОПРОСЫ	4
СЧАСТЛИВОЕ ДЕТСТВО	30
СТАРЫЕ ЗНАКОМЫЕ	49
ДАЧА РОДИТЕЛЕЙ	66
ТРИ ДРУГА	98
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Дмитрий Болотин

Лабиринт

РАБОЧИЕ ВОПРОСЫ

Впереди вдаль уходили рельсы железной дороги, по которой стремительно нёсся Сапсан. Никогда раньше не был в кабине поезда и даже не мог себе представить, как машинист им управляет. Скорость в двести тридцать километров в час практически не ощущалась, по крайней мере по сравнению с автомобилем. В этот момент я понял, насколько приятно иметь знакомого машиниста. С Лёшей мы были знакомы уже семь лет: встретились, когда я ещё только-только окончил университет.

– Лёша, а какая максимальная скорость у этого поезда? – спросил я, посмотрев в его сторону и отвлёкшись от созерцания пейзажа спереди.

Лёши в кабине не было, что было странно, ведь я, разумеется, не умел управлять поездом, и оставлять меня одного в кабине было по меньшей мере опрометчиво, хотя дорога была прямая и в кабине было столько электроники, что я бы не удивился, узнав, что поезд едет на автопилоте. Вероятно, так и есть, так что для машиниста нет никакой проблемы в том, чтобы отлучиться в туалет.

Сегодня был приятный солнечный день и мимо пролетали зелёные рощи, огороженные от железной дороги таким же зелёным металлическим забором. Мне нравилась скорость, с которой мы ехали, и особенно впечатляла мысль о том, каков на такой скорости импульс у поезда весом в несколько сотен, а может быть, даже и тысячу тонн. Впрочем, несложно подсчитать, зная я точные данные – убийственная мощь.

Я смотрел на две параллельные плавно текущие металлические рельсы, глядя на которые в отрыве от всего остального, вряд ли возможно было понять то, с какой скоростью мы по ним несёмся. Гладкие. Блестящие. Ровные. Где-то вдалеке гудел встречный поезд; если приглядеться, то он был виден километрах в двух впереди. Заманчиво – одно дело, сидя в пассажирском вагоне, сбоку видеть пару секунд проезжающий поезд, и совсем другое – наблюдать, как он стремительно приближается на тебя спереди.

Сердце на мгновение сжалось, чтобы потом бешено забиться в груди, и ноги налились свинцом. Поначалу я даже не мог пошевелиться, но затем всё-таки понял, что нужно было как можно быстрее выйти из кабины и постараться максимально далеко пробежать вглубь поезда. Лишь две параллельные плавно текущие рельсы: не знаю, где встречные пути, но глаза не вращали – их не было. Может, их ремонтировали или здесь участок реверсивного движения? Сейчас это, впрочем, имело мало значения.

– Лёша! Лёша! Открой чёртовой дверь! Тут поезд! – ло-

мился я из кабины машиниста в закрытую снаружи дверь. – Тут поезд!

Что за бред! Две минуты назад, когда всё было так хорошо, рядом со мной были и квалифицированный машинист, и более или менее привлекательная стюардесса, принёсшая нам по чашке чая. И теперь, когда возникла потенциально аварийная ситуация, я, человек настолько не умеющий управлять поездом, что даже не знающий, где педаль тормоза (педаль ли, может, рычаг или кнопка?), стою посреди запертой небольшой комнатёнки один.

Громкость гудения встречного поезда лавинообразно увеличивалась, и нас отделяло уже метров триста. В этот момент я проникся тщетностью каких-либо действий с моей стороны. Да и Лёша, если даже вдруг впрыгнет в кабину, уже не успеет нас остановить. Ситуация вовсе не была потенциально аварийной – она была фатальной. Наверно, мне не было бы в такой степени страшно, если бы со мной был хоть кто-то, но я был один. Я неоднократно слышал о том, как перед реальной угрозой смерти у людей перед глазами проносится вся жизнь, но я был настолько опустошён, что в голове не было ни единой мысли. Всем телом я ощущал лишь одно – всепоглощающее осознание неотвратимости столкновения и бессмысленность моего нахождения здесь. Ведь если человека сбивает машина, то, по крайней мере, в машине остаётся серьёзная вмятина или, в том случае, если человек падает с крыши, то вмятина остаётся в асфальте, а изувеченные тела

жертв вызывают шок в глазах окружающих, надолго откладываясь в их воспоминаниях – так или иначе после человека остаётся хоть что-то, кроме его тела, говорящее о том, что он был. Но здесь, при лобовом столкновении двух поездов, вряд ли имело большое значение содержимое кабины машиниста – вместо меня здесь могло быть плывущее по воздуху семечко одуванчика.

За мгновение до того, как произошёл удар, я попытался разглядеть силуэт машиниста встречного поезда, но не обнаружил в нём никого. Это безумное, не прекращающееся ни на мгновение гудение было настолько сильно, что я сжался, прикрыв уши ладонями.

Открыв глаза, я поначалу не сразу понял, что лежу в кровати. Протянув руку к звонящему телефону, я думал о том, что за козёл звонит мне с самого утра.

– Алло, Андрей Александрович? – в трубке был приятный женский голос.

– Да, здравствуйте.

– У меня для Вас есть уникальное финансовое предложение.

– Какого рода?

– Вы когда-нибудь слышали о рынке форекс?

– До свидания.

Я повесил трубку и ещё пару мгновений пытался обратно уснуть, однако стоящий перед глазами поезд убедил меня в том, что встать и пойти умываться, забыв об этом жутком

сне уже через пару мгновений, является лучшей альтернативой. На часах было девять сорок три, и я, пожалуй, был даже рад, что эта тупая овца разбудила меня своим бездарным звонком. Давно пора было встать, но я даже не помнил о том, как выключил с утра будильник, который вечером ставил на восемь.

Надо было заскочить сегодня на работу перед отлётом в Нижний Новгород, и в голове я прокручивал минимальный список вещей, которым я мог бы обойтись во время этой двухдневной командировки. С одной стороны, не хотелось брать с собой тяжёлую сумку – да и глупо было с собой брать избыточное количество вещей – но, с другой стороны, было не менее глупо не взять с собой нужные вещи и испытывать неудобства от их отсутствия, несмотря на то, что можно было бы их и взять. Ладно, главное – не забыть ноутбук, а остальное можно будет при необходимости докупить. В последнее время приходится ездить всё чаще. Если ещё года два назад приходилось вести дела при личной встрече в других городах раза два-три в год, то теперь такие путешествия занимают значительную часть времени, и приходится уезжать из города раза два в месяц. В принципе, это довольно-таки увлекательно: есть возможность посмотреть что-то новое и сменить обстановку. Но порой бывает тяжело, особенно при перелётах со значительной сменой часовых поясов, а выглядеть нужно всегда бодрым и жизнерадостным. Не для того я езжу на встречи, чтобы меня запоминали уставшим человеком.

В квартире ещё не до конца выветрился запах ремонта: в эту тридцатисемиметровую студию я переехал всего три месяца назад. При разводе с женой мы условились на том, что я оставляю ей квартиру, а себе заберу машину. Такой расклад при разделе имущества выглядел для неё весьма удовлетворительным, и с моей стороны, в некоторой степени даже благородным, ведь она не знала о том, что в сейфе у меня лежало четыре миллиона рублей, которые мне удалось скопить за год, после того как неминуемость развода стала очевидной. Пришлось, правда, ещё несколько месяцев пожить в арендованных апартаментах прежде, чем удалось собрать сумму, хватившую на покупку квартиры. Мой полторагодовалый паджерик, оставшийся после развода, пришлось продать, чтобы сделать ремонт и поскорее въехать в своё новое жилище. Хотя, если говорить откровенно, я искал любую причину избавиться от этого автомобиля: большие высокие машины нравились бывшей жене, и это было единственной причиной, по которой я купил тот автомобиль. Мне он совершенно был не по душе.

Несмотря на то, что под конец совместной жизни у нас часто были скандалы, сам развод прошёл довольно-таки мирно, благо мы не успели завести детей и процесс удалось реализовать без привлечения суда. Тем не менее, на протяжении месяца после решения о разводе мне пришлось методично стараться успокаивать взрывной темперамент супруги для того, чтобы процесс развода был гладким. Не люблю

конфликты и всячески стараюсь их избегать, по крайней мере, те, что могли бы опорочить мою репутацию и выставить меня в глазах окружающих мелким человеком. Однако в душе я чувствовал, что развод – это моё личное поражение. Я пытался себя убедить в том, что это правильное решение и нам обоим будет друг без друга лучше. И, несмотря на то, что моя жизнь действительно стала более спокойной оттого, что стало одним человеком меньше, который изо дня в день пытался бы меня выводить из себя, – это определённо было поражение. Необходимо было предпринять какие-либо меры тогда, когда ещё можно было что-то исправить, но я этого не сделал. Не сделал не потому, что не мог, а потому что не хотел.

Мы познакомились в общежитии ещё будучи студентами. Я был на четвёртом курсе физфака, а она на втором курсе экономического факультета. Раньше я никак не мог понять, что вынуждает людей после многих лет брака разводиться по причине несходства характеров. Казалось, что если люди изначально сошлись и начинали жить вместе, то и идейно развиваться они должны в одном направлении, так как вместе сталкивались с одними и теми же трудностями и переживали одни и те же события. Почему-то у нас этого не произошло, и после пяти лет совместной жизни мы стали всё больше отдаляться друг от друга, придя, в итоге, к совершенно разным взглядам на жизнь. Когда мы познакомились, я и сам удивился тому, что меня привлёк человек гуманитарного скла-

да ума. Думаю, что между нами всегда были фундаментальные различия в мышлении; жаль, что потребовалось семь лет на то, чтобы они всплыли на поверхность. Тем не менее, вопреки тому, что творилось последние пару лет, первые годы жизни с ней было приятно вспоминать.

Панорамные окна на одной из четырёх стен выходили на оживлённый проспект, на котором ещё не рассосалась утренняя пробка. Пока соберусь, машин уже не будет. По крайней мере, они будут ехать, а не стоять. С последнего, двадцать второго этажа дома открывался великолепный вид на город, и я любил по утрам стоять с кружкой свежесваренного кофе и смотреть на бегущих на работу людей, похожих с этой высоты на муравьёв. Вид сегодня был бы ещё лучше, если бы не этот морозящий дождь и серое небо, которые для Питера были скорее типичны, нежели редки.

Приняв душ и почистив зубы, я залил овсянку молоком и поставил в микроволновку. Зазвонил телефон, который я рефлекторно поднёс к уху.

– Алло, Андрей, привет! Ты сегодня на работе будешь?

– Привет, Алина! Да. Что-то срочное?

– Не срочно, но лучше обсудить сегодня.

– Хорошо, часа через полтора буду. Пока.

– До встречи.

Я включил кофемашину и поставил себе двойной эспрессо, который любил пить с молоком. Я всегда брал наиболее крепкий сорт кофе с максимальной обжаркой. С учётом вы-

ставленного на кофемашине самого мелкого помола получался тройной концентрат, который, кроме меня, мало кто мог пить, по крайней мере, мало кто мог пить его с удовольствием. Правда, не так-то часто теперь ко мне приходят гости. Гости бывали раньше, ещё на прошлой квартире, когда их приглашала жена.

Опять зазвонил телефон. Они там что, стоворились, что ли?

– Алло.

– Андрей Александрович, а Вы сегодня планируете быть на работе? Пару бумажек подписать нужно. Можно, конечно, и не сегодня, но лучше сегодня, Вы ведь уедете до четверга. В принципе, мы с Вами можем и в городе где-нибудь пересечься, если Вы здесь сегодня появляться не планируете! – Маша типичным для неё образом излишне много говорила и изливала на меня абсолютно весь поток мыслей, происходящих у неё в голове. Тем не менее, она была очень ответственным и пунктуальным человеком, и я ни разу не пожалел о том, что нанял её своим секретарём.

– Я приеду приблизительно через полтора часа.

– Хорошо, спасибо. Оставлю у Вас на столе.

– Хорошо, до встречи.

Пока я разговаривал, уже и кофе сварился, и каша приготовилась. Я быстро поел и подошёл к окну с чашкой. Не то чтобы я был фанатичным любителем кофе – дома и чай был. Утренняя чашка кофе была для меня скорее ритуалом,

чем каким-то реально необходимым делом. Хотя, пожалуй, именно ритуальность этого действия делала его даже более важным, чем прочие дела, которые я мог бы делать по утрам. Это было ознаменованием начала нового дня.

За окном женщина, стоя на тротуаре, помахивающими жестами рук помогала водителю седана припарковаться задним ходом перпендикулярно прохожей зоне в узком проёме между машинами. Мужчина медленно сдавал назад, поглядывая в открытое окно на женщину, и всё больше наезжал кормой автомобиля на тротуар. Остановился он лишь тогда, когда задние колёса упёрлись в бордюр, а задняя часть автомобиля заняла более половины прохода для пешеходов. Циничность этого действия меня всегда поражала. Как и предполагалось, уже через минуту паре молодых мамочек с колясками пришлось обходить эту машину по газону.

Обжигающая горечь густой чёрной жижи окончательно меня взбодрила, и я начал собирать сумку в поездку. Упаковав ноутбук и минимальный комплект вещей, а также убедившись, что не забыл паспорт, я обулся и вышел из квартиры. Через минуту я уже стоял недалеко от входа в подъезд и затягивался сигаретой. Это было прекрасно: ни одну сигарету за день я не выкуривал с тем удовольствием, с которым выкуривал первую сигарету с утра. Мне нравилось курить, хотя последние лет пятнадцать я с переменным успехом пытался бросить. Единственное, что омрачало для меня эту привычку, были мысли о том, что у меня может развиться

рак. Особенно горячи эти мысли были вечером перед сном, когда я один лежал в кровати. Успокаивал меня лишь тот факт, что мои ближайшие родственники курили всю жизнь и вполне успешно разменяли седьмой десяток, а более старшее поколение умерли от сердечной недостаточности, а не от рака. Хотя это и не гарантировало того, что со мной всё будет в порядке, по крайней мере, можно было ожидать, что у меня нет генетической предрасположенности в онкологии.

Докурив, я зашёл обратно в подъезд и спустился на подземную парковку. Дойдя до своего парковочного места, я сел в чёрную SQ5, взятую на год в лизинг, и выехал на работу. Через год выкуплю её, если не надоест. Успешно преодолев первые пару километров в плотном потоке машин, я выехал на КАД и теперь мог в своё удовольствие нестись в крайней левой полосе сто семьдесят километров в час. Раздражали только попутные машины, которые зачем-то вылезали в мой ряд на существенно меньшей скорости. Многие, конечно, заблаговременно перестраивались, давая мне дорогу, но некоторых, особенно тупых баранов, приходилось объезжать. Я никогда не моргал дальним светом таким машинам, так как считал это проявлением неуважения и поступком, недостойным меня – как-никак, это я нарушал правила, а не они – поэтому ограничивался парой тихих матюгов во время объезда справа. Я неоднократно задавал себе вопрос о том, зачем я так быстро еду, если никуда не тороплюсь. Ведь если ехать в общем потоке машин, то и стресса никакого не бу-

дет, да и думать во время движения можно будет о чём-то своём, не отвлекаясь на дорожную обстановку. Я даже пытался раньше ехать медленно, как все, но дольше нескольких минут не мог сохранять на магистрали такую скорость – раздражало. Я раздражал сам себя и в итоге нервничал из-за этого ещё больше, чем при объезде всяких еле тащащихся по дороге баранов. Думаю, что такая манера езды служила мне эмоциональной разрядкой, а может, я просто привык всё в жизни делать максимально быстро. Может показаться парадоксальным, но ко всем остальным правилам дорожного движения, за исключением скоростного режима, я относился с большим уважением и, насколько я помню, ни разу в жизни не получал штрафа за что-либо иное, кроме как за превышение скорости.

В этом автомобиле я не получал такое удовольствие от езды, как на своих предыдущих машинах. Слишком тихо и плавно шла. Когда я ехал на своей первой машине, пятилетней иномарке на девяносто лошадиных сил, купленной через полгода после окончания университета, я всем нутром мог прочувствовать то, как быстро еду. Можно было даже не сильно переживать по поводу того, что превышу скорость более, чем на шестьдесят километров в час, так как быстрее она просто не ехала, и я просто утапливал педаль газа в пол. Жаль, что двигатель сгорел через семь месяцев после покупки, и пришлось её продать.

На работе кипела жизнь. В моём отделе было двадцать

три человека: я – руководитель, Маша – секретарь, Алина – возглавляющая лабораторию физических испытаний разрабатываемого нами топлива, с семью лаборантами в штате, и Паша – возглавляющий химическую лабораторию с двенадцатью лаборантами. В целом, Алина и Паша, безусловно, были отличными знатоками своего дела, но не сильно превосходили по своим профессиональным качествам наших рядовых лаборантов. Однако у них была одна очень важная особенность – я им доверял. Моё доверие к ним заключалось не только в уверенности, что они могут эффективно справиться с непредвиденными ситуациями в моё отсутствие, но и на межличностном уровне: я не ждал от них подвохов и недомолвок, так как даже в тех редких случаях, если они допускали ошибки, они не пытались, поджав хвост, переложить ответственность за них на других, и что самое главное, проявляли инициативу в нашей работе. Алину я повысил из лаборантов в заведующую лабораторией два года назад, через день после того, как возглавил отдел, и таким переходом освободил соответствующую должность, которую сам до этого занимал, а Пашу привлёк год назад извне, познакомившись с ним в одной из командировок, вроде той, в которую улетаю сегодня.

Залетая в свой кабинет, я поздоровался с Машей и кратко сообщил о том, чтобы она незамедлительно пригласила ко мне Бориса – лаборанта-химика, и назначила встречу с Пашей через двадцать минут. Я брал время с запасом, так как

ориентировочно рассчитывал потратить на первый разговор максимум минут десять. За мгновение до того, как Борис постучал в дверь, я освежил в памяти его отчество в кадровых документах.

– Борис Викторович, заходите, присаживайтесь! – пригласил его я, показывая жестом руки на стул, стоящий у моего стола.

– Здравствуйте, Андрей Александрович, Вы хотели меня видеть?

– Да! – я на пару секунд замолчал и подождал, пока он удобнее устроится на стуле. – Как Вы помните, Вас несколько раз ловили на том, что Вы приходили на работу в весьма помятом состоянии, – в голове проскочила мысль, что с таким перегаром, как он, я даже на пары по понедельникам не позволял себе приходиться, когда был студентом, – и затем, когда у нас на носу была сдача одного из продуктов, Вы взяли отгул на неделю, обещая, что по возвращению наверстаете все дела.

– Да, всё так. Мне жаль, что так получилось до моего отгула, и я, как Вы помните, дал Вам слово, что это не повторится. А отгул взял по причине плохого самочувствия. Понимаете, на данный момент я в процессе развода с женой, и у меня сейчас немного тяжёлое время. Думаю, что это и подкосило моё здоровье на прошлой неделе – схватил грипп какой-то. Но я действительно всё наверстаю. Если нужно принести больничную справку, то завтра она будет у Вас.

Борис в свои сорок два года сидел и оправдывался передо мной как маленький мальчик, причём врал он весьма неумело. Его ложь была бы для меня очевидной даже в том случае, если бы я не знал реальных фактов: ведь этот идиот был настолько тупой, что выложил в социальную сеть фотографии о том, как он отдыхал всю неделю на Кипре и развлекался с какой-то шлюхой (или, быть может, женой). Он что, думал, что я за ним не слежу?! Хотя, нужно отдать ему должное – необходимо было постараться за пять дней на Кипре не загореть, чтобы не скомпрометировать себя. Да ещё и этот развод приплёл, рассчитывая на моё снисхождение и солидарность. Он-то откуда знает, что я развёлся?! Интересно, действительно ли он разводится? Интересен не сам факт, а то, сумею ли я понять, говорит он правду или нагло мне лжёт.

– Борис Викторович, боюсь, что мы вынуждены расторгнуть с Вами трудовые отношения. Мы, как Вы знаете, многократно шли Вам на уступки, и мне очень жаль, что у Вас сложилась такая тяжёлая ситуация. Я понимаю, что, вероятно, развод с женой может быть психологически тяжёлым моментом в жизни, подрывающим, в том числе, и иммунитет, но Вы и нас поймите, у нас очень жёсткие сроки сдачи продуктов, и мы не можем рисковать исполнением обязательств из-за непредвиденных ситуаций. К тому же, так или иначе, Вы работаете в химической лаборатории, являющейся потенциально вредным местом, и это также может способствовать тому, что Вы неважно себя чувствуете. Мне кажется, что с

моей стороны будет правильным посоветовать Вам сменить место работы на то, где Вы могли бы чувствовать себя более свободным без привязки к жёстким временным условиям.

– Вы хотите меня уволить? – Борис выглядел одновременно удивлённым и подавленным, и мне даже на мгновение показалось, что у него на глазах навернулись слёзы. Меня всегда поражало недоумение на лицах увольняемых мной людей. Такое ощущение, что они считали себя такими великолепными работниками, что факт их увольнения был для них не только не очевиден, но и вовсе абсурден.

– Да, но я не хочу оставить Вас ни с чем. Я разговаривал вчера со своим приятелем, занимающимся так же, как и мы, топливным бизнесом, но немного с другим уклоном, и он сказал, что готов рассмотреть Вашу кандидатуру на вакансию сотрудника своей компании. Вот, возьмите его номер, скажите, что от меня! – я протянул ему визитку с номером телефона своего знакомого, отвечающего за работу сети бензозаправок в нашем регионе, с которым мы договорились отправлять друг другу увольняемых сотрудников для прохождения собеседования, которое, разумеется, хоть и никогда не заканчивалось принятием на работу, позволяло избежать проблем с фрустрированным увольнением людьми. Так они уходили мирно, понимая, что о них позаботились и направили в другое место, а к тому моменту, как их не брали на рекомендованное место работы – а мы специально растягивали это недели на две – они уже успевали смириться с тем,

что на первом месте работы их никто не ждёт.

– Ну что ж, и на том спасибо! – Борис угрюмо и недоверчиво разглядывал серебристую визитку с номером. Он, как и прочие сотрудники моего отдела, не стал вступать со мной в открытую дискуссию, однако это ещё не означало того, что он что-либо не замыслил против меня.

– Знаете, Борис Викторович, позвоните по этому номеру прямо сейчас. Я действительно переживаю за Вас! – я протянул ему свой телефон, хотя, естественно, понимал, что он позвонит по своему. – Если возникнут какие-либо проблемы, то просто передайте трубку мне, и я всё улажу!

Он достал свой телефон и набрал номер. Когда с другой стороны взяли трубку, Борис услышал приятный, но деловой женский голос секретаря, которая выслушала его и уверила, что сотрудникам, которых рекомендует им Андрей Александрович, у них всегда рады, и они с особым отношением подходят к рассмотрению их резюме. Собеседование назначили на завтра в середине дня. Через две минуты он уже вполне жизнеспособный шёл в отдел кадров, которым я успел позвонить и сказать, чтобы они сегодня же отдали ему документы и что я не намерен видеть его здесь ещё две недели. Всё прошло даже лучше, чем я ожидал.

Пока я ждал Пашу, успел подписать документы, которые оставила у меня на столе Маша, и передал их ей. Паша пришёл ровно через двадцать минут. Ради забавы, каждый раз, когда я прошу его ко мне зайти, я засекаю время на секун-

домере своих часов. Видимо, он – тоже, так как приходит с погрешностью не более пятнадцати секунд.

– Привет, Андрей! Ты хотел меня видеть?

– Привет! Я только что уволил Бориса.

– Эм, ясно, но мог бы поставить меня в известность заранее, а не *post factum*. К тому же, это мог бы сделать и я, – Паша даже несколько замялся от того, что я сделал за него эту грязную работу.

– Я не хотел тебя дёргать посторонними проблемами: как-никак ты сейчас весь в работе над завершением проекта, вот и решил, что сам с ним поговорю, – объяснил я, хотя на самом деле причина была в том, что Паша был в силу темперамента и возраста, а ему было двадцать семь лет, слишком бойким. Вкупе с тем, что Борис был типичным мужиком среднего возраста с начинающейся сединой и заканчивающейся надеждой на более светлое будущее, в лучшем случае это могло бы кончиться скандалом или самоубийством Бориса, а в худшем – судом по защите прав трудящихся.

– Кстати о проекте, – встрепенулся Паша, – Борис в нём участвовал. Я понимаю, что проку от него было меньше, чем от остальных, но всё-таки, когда мы обсуждали то, что проект будет завершён к первому октября, я исходил из того, что он будет у нас работать.

– Когда ты сможешь закончить, с учётом того, что Бориса с нами больше нет?

– Ну... – Паша посмотрел на календарь, висящий на сте-

не и показывающий четырнадцатое сентября, – к пятому октября, думаю, управимся.

– К пятому, так к пятому. Если управитесь к первому, выплачу тебе половину месячной зарплаты Бориса за то, что вы сделаете за него работу. При желании сможешь раскидать эту сумму по ответственным за исполнение лаборантам.

– Хорошо, разберёмся.

– Только числу к двадцать пятому дай мне знать, когда вы в итоге планируете управиться.

– Хорошо! – сказал Паша и ушёл работать.

У меня не было сомнений в том, что всё будет сделано к первому числу. И дело было даже не в том, что я пообещал Паше денежное вознаграждение. Я плачу ему столько, что половина зарплаты Бориса для него не более, чем пшик. Я позвал его на эту должность, потому что он в своё время показался мне ответственным человеком, дорожившим своими словами, и я ни разу не усомнился в правильности своего выбора. Его оговорку про пятое октября я воспринимал лишь как сообщение о том, что ему и его людям из-за моего решения придётся в ближайшие две с половиной недели работать больше и чтобы я это знал. Уверен, что из той суммы, что я ему обещал, он себе не возьмёт ни рубля, а распределит её по двум-трём лаборантам, участвующим в проекте.

Я позвал Машу и сообщил ей о том, что нам нужен новый человек в химическую лабораторию: чтобы она согласовала это с отделом кадров и заблаговременно сообщила Паше

о дате собеседования. Поначалу я принимал непосредственное участие в найме лаборантов, но теперь у меня на это совершенно не было времени. Как правило, на такие должности идут молодые люди, недавно окончившие научно-технические ВУЗы (как и я в своё время), а их так много, что найти более или менее адекватного кандидата не составляет труда. Сорокадвухлетний Борис, как и ещё несколько человек в коллективе, был, скорее, исключением из этого правила. К тому же, в этом плане, нет времени года лучше для того, чтобы уволить сотрудника, чем сентябрь. Большая часть выпускников, имеющих посредственные способности, уже устроились на первое попавшееся место работы, а более амбициозные как раз ещё не нашли работу своей мечты и уже начинали впадать в отчаяние, которые мы могли развеять, предложив им чуть более высокую, чем в среднем по рынку, зарплату, которая в любом случае для людей без опыта работы была не очень большой.

Я позвонил Алине и предложил ей пообедать в ресторане недалеко от работы. Она сказала, что будет готова в полвторого, а это значит, что у меня было ещё полчаса свободного времени. Гудок машины за окном напомнил мне про сегодняшний сон, что зародило во мне поток размышлений о нём. Интересно, почему в роли машиниста выступил Лёша? Из всего моего нынешнего окружения он был человеком, которого я знал дольше всех, и я считал его своим другом – одним из двух моих друзей. Поэтому, в целом, я был

не удивлён тем, что он фигурировал в моём сне. Но почему он, а не Саша? Обычно, если кто-то меня и втягивал в различного рода авантюры, то это, несомненно, был именно Саша, а не Лёша, который вёл довольно размеренный образ жизни, проводя большую часть времени со своей женой и маленькой дочкой. Несмотря на то, что я будучи студентом читал «Толкование снов» Фрейда и несколько смежных книг по психологии, я был далёк от того, чтобы реально понимать суть многих моих снов. Единственное, что я запомнил, что в первую очередь нужно смотреть на эмоциональный фон сна, а не на его сюжет. С этой точки зрения, в этом сне не было ничего выдающегося: я действительно чувствовал себя весьма одиноким человеком. И всё же странно, что я его запомнил. Через пару минут я сумел провести аналогию формы Сапсана и его скорости с самолётом, на котором мне сегодня предстояло лететь, но дальше продвинуться не получилось. Наверно, некоторые бы посчитали катастрофу во сне предзнаменованием падения самолёта, но я, как человек с красным дипломом физфака, был далёк от подобных суеверий.

Алина зашла ко мне в положенное время, и мы вышли пообедать. В нашем здании была столовая, и в ней мы тоже часто ели – причём, зачастую большей частью нашего отдела – и вели непринуждённые и весёлые беседы. Иногда сотрудники рассказывали увлекательные и нетривиальные истории из своей жизни, и я всегда радовался тому, что имею дело с такими людьми, как они, а не с серым офисным планкто-

ном. Я и сам мог многое рассказать о своей жизни. Историй, поражающих своей абсурдностью, со мной случалось немало. Конечно, детали я всегда гиперболизировал для большего смеха, но по основному содержанию историй никогда не врал. В остальных случаях мы просто вели светские беседы о текущих ситуациях в мире, городе или, на худой конец, работе. Тем не менее, сегодня я хотел поговорить с ней наедине. Алина была привлекательной девушкой, хоть и была совсем не в моём вкусе. То есть, безусловно, внешние данные у неё были отменные, но она была типичной бизнес-леди, целиком отдавшей карьере и немного своему парню. Меня привлекают более женственные особы, о которых можно было бы заботиться и которых я, хотя бы потенциально, мог представить нянчащими моих ещё не рождённых детей. Алина была совершенно не такой – боевая девица.

Мы сели за столиком около окна и сходу заказали по бизнес-ланчу. Дождь закончился, и изредка даже проглядывало солнце, освещая светло-жёлтые фасады зданий, тянущиеся вдоль канала, что определённо поднимало настроение. Минут пять мы говорили о жизни, и затем она перешла к делу.

– Знаешь, в текущем проекте у нас имеются значительные расхождения с ожидаемой динамической вязкостью при добавлении стандартного количества ARX-11, – задумчиво глядя в окно на прохожих людей, сказала она, – чуть больше, чем на две сигма от матожидания в сторону высоких значений.

– Ну, в целом, не страшно, в заданный диапазон попадаем, хотя, конечно, лучше стремиться уложиться в одну.

– Я про то же. У меня есть пара предложений, которые могли бы исправить ситуацию. Их я и хотела с тобой обсудить до отъезда. Если всё согласуем, то сможем начать уже сегодня, не дожидаясь твоего возвращения.

– Отлично, давай. Какие идеи? – я с интересом прикинул поближе к ней, облокотившись на стол.

– Два варианта: либо добавляем больше ARX-11, по моим расчётам процентов на десять больше, либо можем разбавить более лёгкой фракцией. В первом случае возрастут издержки, во втором уйдёт не менее месяца на изменение спецификации.

– Спецификацию менять себе дороже. Может, это временное отклонение, которое не повторится в следующих партиях. Что ж мы теперь каждый раз менять её будем? Насколько увеличится себестоимость и насколько снизится маржа при сохранении текущих цен?

– Прибыль снизится процентов на пять.

– Серьёзно... – задумался я, так как с учётом объёмов продаж это была немалая сумма. – А качество реагента проверяли? Может, с ним что-то не то? А исходное топливо спецификации соответствует?

– С ARX-11 всё в порядке. Независимыми методами всё проверили. Топливо по всем физическим показателям тоже проверили, всё строго по нормам, как всегда.

– Если всерьёз относиться к тому, что ты говоришь, получается мистическая ситуация: всё, как обычно, а отклонения каким-то образом наблюдаем. Паша результаты элементного анализа и хроматографии предоставлял?

– Я не запрашивала, думала с тобой сначала обсудить.

– В принципе, – я на мгновение задумался, – если в исходнике небольшой избыток тиолов, то это потенциально может приводить к частичной деградации реагента. Я другого объяснения пока не вижу. Проверьте элементный анализ. Если по сере будут превышены сертификационные значения, то пусть отдел закупок совместно с юристами связываются с поставщиком и разбираются. Если нет, то увеличивайте долю ARX-11 без изменения цены. Если тенденция сохранится, то будем увеличивать цену. Если нет, то и плевать на эти единичные издержки. Впрочем, в любом случае увеличивайте долю ARX: товар надлежащего качества от нас ждут в срок, и даже если с исходным топливом проблемы, то все эти разборки решатся небыстро. Если будем ждать, то в срок не успеем.

– Хорошо, всё сделаем! – замолчав на пару секунд, она продолжила: – Я слышала, ты уволил того мужика из химической лаборатории. Я рада: на последнем корпоративе он перебрал и делал мне недвусмысленные намёки.

– Я думаю, что с твоими данными тебе не привыкать к вниманию мужчин, неужели тебя это задело?

– Одно дело – принимать знаки внимания от мужчин, а

другое – от не реализовавшегося в жизни пузатого неудачника – большая разница.

– Я рад, что я тебя порадовал!

Иногда, когда мы смотрели друг другу в глаза, мне казалось, что между нами что-то есть. Временами, как сейчас, она смотрела на меня не так, как все. Такой взгляд вряд ли можно было спутать с обычным. Думала ли она о том, что между нами может что-то быть или нет? Или это просто ловкий трюк для того, чтобы расположить к себе мужчину, в чьём одобрении она была заинтересована? Я не знаю, но в любом случае мне это нравилось. Всегда приятно внимание красивой женщины, пусть даже и той, с которой нет никакого будущего даже в мыслях.

Мы посидели ещё минут пятнадцать и пошли на работу. За время нашего отсутствия на моём столе появился десяток рутинных документов, которые Маша любезно оставила для меня. Минут двадцать я потратил на бессмысленное чтение этой макулатуры и затем ещё около часа обсуждал мелкие аспекты текущих дел, которые сотрудники посчитали нужным обсудить со мной лишь постольку, поскольку я был на работе. Не будь я здесь – справились бы и без меня. Тем не менее, важно было уделить каждому из них внимание. Ничто не может быть ценнее для сотрудника, чем потраченное на него время руководителя. В отношениях между людьми время, в отличие от денег, абсолютно – это золотой стандарт, по которому можно оценить всё остальное.

В четыре часа дня я со всеми попрощался, вышел с работы и наконец закурил. Как же хотелось подымить после обеда, но Алина не курит, и при ней я не курил. Посадка в самолёт заканчивалась в восемнадцать пятьдесят, а это значит, что можно было не торопиться.

СЧАСТЛИВОЕ ДЕТСТВО

В Пулково я был ровно в шесть. Зарегистрировался на рейс и выпил кофе в бизнес-лонже: кофе был традиционно паршивый, но лёгкий перекус перед вылетом сделать стоило. Самолёт вылетел без задержки, и у меня было более полутора часов для того, чтобы, переведя телефон в авиарежим, просто отдохнуть. Всякий раз, когда я летел на самолёте, мне это напоминало тот полёт из Новосибирска в Санкт-Петербург, который я совершил более двенадцати лет назад, и который нёс меня из моего прошлого в моё настоящее.

Отца я не знал – он бросил мою мать, когда она была беременна мной и воспитывала Игоря, моего на тот момент семилетнего брата. Впрочем, в моих первых воспоминаниях уже был отчим, от которого мать родила мою младшую сестру – Веру. Всё моё детство прошло в постоянных сравнениях с братом. Я был не так хорош, как он. Не такой смелый, не такой весёлый, не такой воспитанный. В глазах матери Игорь был богатырём, а я каким-то жалким придатком, который достался ей от моего отца, хотя она старалась не подавать виду, что это было так. Если, когда я был маленький, она, вероятно вынужденно, проявляла формальную заботу обо мне, то годам к десяти уже в явном виде пыталась мной манипулировать и отдавала распоряжения, как какому-то рабу. Пожалуй, больше всего её во мне раздражало именно то, что

я не шёл ей на уступки и не подчинялся её приказам. Особенно это раздражало её на фоне моего старшего брата, который был во всём с ней согласен и вообще был идеальным мальчиком и отличником. Годам к двенадцати я полностью эмоционально отдалился как от неё, так и от брата. Отчим не вмешивался в наш интриганский треугольник и, хоть он ни разу не проявлял ко мне какого-либо грубого или неуважительного отношения, всегда был довольно-таки холоден ко мне. Единственным человеком, с которым я действительно ощущал родственную связь, была Вера. Разница в возрасте у нас была два года и стала практически незаметной к моим четырнадцати и её двенадцати годам. К тому же, в силу каких-то обстоятельств, она училась лишь на один класс младше меня, а не на два. В отличие от меня, она не была изгоем в семье и пользовалась расположением как своего отца, так и матери. Это сильно ограничивало наше с ней общение, так как менять внимание родителей на моё она никогда не стремилась.

Однако во всём этом был и положительный момент: я всё время был предоставлен самому себе. В возрасте от семи до одиннадцати лет у нас была своя дворовая компания из четырёх мальчишек, с которой мы проводили большую часть дня после школы. Помимо меня в этой команде трое были из откровенно неблагополучных семей, поэтому мы все могли шляться по улицам допоздна и там, где хотим – никому не было дела. У нас был штаб на местной свалке, который мы

собрали из мусора. И там у нас даже была своя мастерская, на которой мы делали фигурки из свинца: разбивали отработанные аккумуляторы, плавил их внутренности на костре в жестяной банке из-под растворимого кофе и отливали в формы. Прекрасно помню тот день, когда мы решили оптимизировать процесс и, чтобы не ждать медленного остывания жидкого свинца в формах, решили поливать его водой из канавы. При первой же попытке вода, при попадании на форму, резко вскипела от всё ещё расплавленного свинца, и его куски попали на лицо одному из мальчиков, кажется, его звали Вова. Глаза не пострадали, но то, как он орал, когда мы отковыривали припёкшийся металл с его щёк, я запомню навсегда. Шрамы остались, но небольшие – выглядел он с ними скорее мужественно, чем пугающе. К одиннадцати годам результаты семейных обстановок у них и у меня принесли разные плоды, и они пошли своим путём, а я своим. Больше мы не общались, и я остался совсем один.

Прекрасно помню тот день, когда, возвращаясь в двенадцать лет домой из школы, я слушал плеер и никак не мог понять, с какой целью проезжающая электричка так пронзительно и не переставая гудит, мешая мне разобрать мелодию, ведь, подъезжая к станции, они по традиции ограничивались формальным коротким звуковым сигналом. Понял я суть такого продолжительного гудения лишь тогда, когда кто-то, схватив меня сзади за рюкзак, резким движением одёрнул меня за мгновение до того, как поезд пронёсся в пяти сан-

тиметрах от моего носа. Много позже, лишь четыре месяца назад, я узнал от своего психотерапевта, к которому после развода я ходил скорее от скуки, чем от наличия каких-то беспокоящих меня проблем, что это была подсознательная попытка самоубийства, которая несомненно бы удалась, если бы не вмешалась бабушка, торгующая семечками рядом с переездом. Когда эта ситуация произошла, я просто взял и пошёл дальше, слушая начавшуюся песню, даже не поблагодарив бабулю. Об этой истории в семье никто так и не узнал.

В семнадцать лет я кое-как умудрился успешно пройти вступительные экзамены в один из ВУЗов Питера – мне было не важно, куда поступать, главное, подальше от дома – и в конце августа я половину из всех своих накопленных денег потратил на билет до Санкт-Петербурга. Никому не сказав, я просто собрал свои вещи и уехал из дома. Лететь нужно было четыре часа, а так как разница с Новосибирском в часовых поясах тоже составляла четыре часа, то фактически я должен был прибыть в Питер примерно в то же время, что и вылетел из моего города. В тот момент я наблюдал в иллюминатор за движением солнца на небе – оно было неподвижно, и я ясно представлял у себя в голове, что самолёт парит в воздухе на месте, компенсируя работой двигателей сопротивление воздуха, а земной шар медленно вращается под нами. Не я улетал из того ада, в котором жил, а сам земной шар уносил всё моё прошлое за тысячи километров от меня.

Через три дня мне позвонила мать с резонным вопросом

о том, где я и какого чёрта не появляюсь дома. Я сказал ей, что теперь учусь в Питере, уже заселился в общежитие, и что в ближайшие пять лет, а в идеале больше никогда, возвращаться домой не собираюсь, и получил огромное моральное удовлетворение от тех пяти секунд её молчания, когда она не могла произнести ни слова от удивления. Я не помню, о чём шёл разговор дальше, но с тех пор она лишь пару раз поздравляла меня по телефону с днём рождения, а потом и вовсе перестала звонить.

Я поддерживал связь с Верой, когда она была школьницей. Затем она поступила учиться в Москву на факультет, связанный с нефтепереработкой, и у нас была традиция встречаться раз в месяц. Поочерёдно она приезжала ко мне на выходные в Питер, и я к ней в Москву. В первое время она пыталась заводить разговор о семье, но быстро поняла, что мне это не интересно и больше об этом никогда не заговаривала. Несмотря на то, что я с ней периодически созваниваюсь, последний раз я её видел шесть лет назад на её выпускном. После этого она уехала во Владивосток работать по специальности. Приятно было думать о скорой встрече с ней: в ноябре у неё будет свадьба, на которую она меня пригласила.

Во время первого года учёбы я подрабатывал репетитором и в лучшем случае успевал на половину из тех пар, которые у меня были, так как параллельно ещё работал в лаборатории для того, чтобы сделать курсовую работу. Но затем ру-

ководитель, у которого я делал курсовую, ушёл на пенсию, и по его рекомендации с начала второго курса я попал в группу Фёдора Борисовича. Изначально я не знал, кто это, но именно встреча с ним стала одним из краеугольных камней моей жизни. Это был семидесятиоднолетний академик РАН, лишь по первому взгляду на которого уже можно было понять, что у него тяжёлый характер. Первый год всё было относительно хорошо: кажется, он даже не знал, что я работаю в его научной группе, так как все непосредственные вопросы я обсуждал с его аспирантом. Приходилось работать много: обычно я приходил к восьми утра и уходил в десять часов вечера. В среднем, я проводил по семьдесят часов в неделю в лаборатории и ограничивался посещением лишь наиболее важных предметов. Это не мешало мне за три дня до каждого экзамена самостоятельно разбираться с полугодовой или годовой программой курса и сдавать всё на пятёрки. Вследствие значительных успехов в учёбе и наличия уже на тот момент некоторых научных достижений я мог не переживать по поводу подработки. В сумме по всем стипендиям у меня получалось около тридцати семи тысяч рублей в месяц, что для студента, живущего в общежитии и необременённого платой за аренду квартиры и жилищно-коммунальные услуги, да ещё и по тем временам, было очень хорошей суммой. Я с уверенностью мог сказать, что жил я лучше многих своих однокурсников, по крайней мере, так казалось со стороны.

С третьего курса Фёдор Борисович начал работать со

мной без посредников, что было уникальным случаем. Обычно он брал под своё крыло аспирантов, но никак не студентов. Узнав его получше, я понял, что он не просто имел тяжёлый характер, он был деспотом. Более авторитарных и бескомпромиссных людей, чем он, я никогда не встречал, даже после того, как закончил ВУЗ. Он придирался к мельчайшим оплошностям моей работы и мог запросто на моих глазах разорвать в клочья работу, которую я кропотливо писал несколько недель, со словами, что всё нужно переделать. Но, несмотря на это, он уделял мне немало времени: около двух часов в неделю он лично объяснял мне все нюансы работы и заранее предупреждал об ошибках, которые лучше было не допускать. Я думал, что со временем он станет ко мне лояльнее, но чем больше он меня учил, тем жёстче ко мне становился. Я помню наш разговор в конце третьего курса, когда я пришёл к нему с очередным отчётом о работе.

– Андрей, Вы что меня не слушали, когда я Вам объяснял, что именно нужно было сделать? Здесь только две трети из тех опытов, что должны были быть выполнены. А из тех двух третей, что Вы мне принесли, половину вообще понять невозможно, так как не указаны референсные данные. Где они? – Фёдор Борисович сидел напротив меня, как всегда, гладко выбритый, как всегда, в костюме с галстуком, и, как всегда, нахмутив брови.

Я чувствовал, что он несправедлив ко мне. Я так старался: такой объём работы невозможно было успеть сделать в

отведённый срок. А данные я забыл указать лишь постольку, поскольку писал отчёт ночами, так как с утра до вечера работал руками на приборах.

– Я помню, что нужно было сделать, и я бы сделал, будь у меня ещё пара дней. Я не успеваю делать так много! Я же ещё и студент, и мне нужно на пары ходить! – про них я уже давно забыл; если бы я ещё и на пары ходил, то вообще бы ничего не успел, но в качестве аргумента в мою пользу это годилось. – И вообще, я видел отчёты других сотрудников, и они гораздо хуже моих, а они аспиранты! И я знаю о том, что Вы приняли их отчёты! – выпалил я и в этот момент понял, что ещё немного, и я просто пошлю его к чертям собачьим и найду себе адекватного руководителя для дипломной работы.

Он встал со стула, подошёл к двери кабинета и сказал: – Пойдёмте!

Я встал и пошёл за ним. Мы шли медленно по кафедре и смотрели через стеклянные двери на то, как работают остальные сотрудники.

– Чьи отчёты Вы видели? Её видели? – он кивнул головой в сторону аспирантки третьего курса. Я молчал. – И как так вышло, что Вы видели её отчёт? Не думаю, что Вам нужно было что-то из её отчёта, чего бы Вы и сами не знали.

– Я уже полгода правлю отчёты некоторых аспирантов. Я не буду говорить, чьи именно. Они сами меня просят посмотреть прежде, чем нести Вам! – с раздражением заметил

я.

– Посмотрите на всех них! Посмотрите на этих девиц, посмотрите на Владимира! – он продолжал указывать на сотрудников, мимо лабораторий которых мы проходили. – Вы считаете, что я должен относиться к Вам так же, как к ним? Вы сравниваете себя с ними, исходя из того, что люди равноправны и заслуживают одинакового к ним отношения?

Я хотел ответить, что ему следовало бы быть ко мне даже более лояльным, чем к ним, так как работал я точно не хуже, но был ещё студентом, но он не дал мне вставить ни слова, перебив меня, как только я раскрыл рот.

– Не путайте равноправие с равенством. Люди имеют равные права, но они никогда не были и не будут равны! – он смотрел сквозь стекло в двери лаборатории на то, как там, как в аквариуме, трудились четыре человека. – Мир делится на тех, кто делает мир таким, какой он есть, и на всех остальных, вынужденных жить в тех рамках, которые устанавливают другие. Серая масса, делающая то, что им говорят делать. Думающие то, что вынуждают их думать. Вы действительно хотите, чтобы я был более лоялен к Вам, или Вы хотите быть тем, кто может оставить след в этом мире? – теперь он смотрел не в окно лаборатории, а мне в глаза. – Вы хотите быть тем, кто хочет и пытается чего-то добиться в этой жизни, или Вы хотите быть тем, кто *добивается* того, что считает нужным?

Его слова заставили меня задуматься о том, что родился он

на полвека раньше, Адольф Гитлер был бы его лучшим другом. И тем не менее он предоставил мне выбор с совершенно очевидным для нас обоим решением.

– Конечно, я хочу быть тем, кто меняет мир к лучшему! – ответил я, и мы молча проследовали к его кабинету.

– Даю Вам два дня на то, чтобы доделать отчёт, – он открыл дверь и перед тем, как зайти к себе, оглянулся и сказал. – И, да, впредь больше не жалуйтесь на то, что Вам не хватает времени. Нехватка времени – не признак того, что у Вас много дел, а признак того, что Вы не способны правильно его планировать. А это – Ваша личная проблема, которая, во-первых, меня не касается, а во-вторых, лишь усугубляет впечатление о Вас, а не оправдывает.

Я больше не жаловался. Работать дольше семидесяти пяти часов в неделю я не мог, однако, со временем действительно стал успевать больше. После того разговора Фёдор Борисович стал проводить со мной больше времени, чем раньше, но стал ещё жёстче. Вопреки этому, поводов нервничать я доставлял ему с каждым месяцем всё меньше. В результате, как-то раз, в конце четвёртого курса, после того, как он десять минут молча читал мою работу, он посмотрел на меня и сказал «неплохо». Когда он это сказал, то по коже пробежали мурашки, так как я думал, что этот момент никогда не настанет, и для меня это было знаменательным днём.

Когда я получил диплом, он лично рекомендовал меня руководителю той компании, в которой я работаю и по сей

день. Год я работал лаборантом в физической лаборатории, но затем мне стало настолько скучно, что я начал искать другую работу и предупредил об этом возглавляющего физическую лабораторию. Он сказал мне подождать два месяца, так как он собирался уходить на аналогичную должность в иностранную компанию, и его место могло освободиться. Не сказал бы, что это легко мне далось, но в двадцать четыре года я возглавил лабораторию и пробыл в этой должности три года, после чего я возглавил весь отдел: два года назад – в двадцать семь лет.

Оглядываясь назад, я всегда думал о том, насколько случайная череда событий меня привела к тому, что я был там, где я есть, и был тем, кем я являюсь. Если бы я родился в нормальной семье, то вряд ли бы уехал из Новосибирска. Если бы мой руководитель на первом курсе не ушёл на пенсию и не привёл бы меня к Фёдору Борисовичу, то я бы точно не был тем человеком, которым я стал. Кем бы я был, сложись всё иначе? Риторический вопрос, на который я никогда не получу ответ. Да и хотел ли я его знать? Бессмысленные размышления: всё есть так, как есть, и иначе уже никак не будет.

В тот день, когда мы говорили с Фёдором Борисовичем посреди кафедры, я сказал ему, что хочу изменить мир к лучшему. Я был амбициозен и думал о том, что я действительно внесу себя в историю. И когда я начал работать лаборантом, я представлял, как мне вручают премию за разработку беспрецедентно экологичного и энергоёмкого топ-

лива, которое позволит улучшить экологическую обстановку на планете и сделает путешествия людей по всему миру более дешёвыми. Я действительно собственноручно улучшил показатели тех образцов, с которыми работал. Да и сейчас мы делаем всё для того, чтобы улучшить показатели, только, конечно, не в тех масштабах, которые я представлял себе будучи студентом. Но вектор моей деятельности на протяжении этих лет медленно и совершенно незаметно менял своё направление, и теперь я по большей части занимаюсь налаживанием сотрудничества и поиском новых источников поставок сырья, поиском компаний для сбыта и продвижением нашего товара, что определённо делалось в ущерб другим не менее хорошим продуктам. Более того, в глубине души я понимал, что наш подход устаревает, и более перспективными являются водородная и электрическая энергетика. Как так получилось, что я десять лет назад принял решение менять мир к лучшему, а в итоге лечу сейчас на встречу для того, чтобы специально завязать приятное знакомство с человеком, который сам ещё не знает о том, что через четыре месяца наша компания предложит ему наладить поставки топлива? Выбрал бы я этот путь десять лет назад, зная, к чему он приведёт? Захотел бы я будучи студентом первого курса идти к тому, чтобы главной целью моей работы было зарабатывание денег для себя и своих сотрудников? Не для того, чтобы помогать бездомным или больным, не для того, чтобы финансировать социальные проекты, а просто так, чтобы

увеличивать банковские счета всех заинтересованных в моей деятельности лиц?

Вряд ли.

Но этот адский раскрученный маховик было не остановить. Конечно, раз я когда-то, хоть и сам того до конца не понимая, принял решение во всём этом участвовать, то мог бы также и принять решение отойти от дел. Но смысла я в этом не видел никакого. Я лишь оператор этой машины, и если ей буду управлять не я, то это просто будет кто-нибудь другой – уж лучше это буду я.

Едва шасси самолёта коснулись земли и он начал снижать скорость, я перевёл телефон в рабочее состояние, и уже через мгновение у меня отобразились семь пропущенных звонков и одно сообщение. Стандартная ситуация, за исключением того, что два пропущенных звонка были от сестры. От неё же и было сообщение: «Позвони!». Девять часов вечера. Что-то случилось: у неё во Владивостоке четыре утра, и мы в это время никогда с ней не разговаривали. Немедленно перезвонив ей, я понял, что мои опасения были небеспричинными.

– Алло, Андрей! Андрей, это просто кошмар! – всхлипывала в трубку сестра. – Это... это просто кошмар!

– Верусь, что случилось? – я начал прокручивать в голове все возможные варианты.

– Что же делать?! Как это могло случиться?! – в истерике, сморкаясь в трубку, ревела Вера.

– Да что случилось-то?

– Игорь звонил: час назад мама с папой разбились.

Я на мгновение замолчал, пытаюсь разобраться, правильно ли я её понял: – Как разбились? Совсем?

– Они мертвы, Андрей!

По коже пробежали мурашки. Никогда не думал, что меня это будет как-то волновать, с учётом того, что с матерью я уже лет десять не общался, а её отец вообще мне не был родственником. Но я определённо был потрясён. Я не сожалел о том, что двух этих людей больше нет, но сама эта новость меня шокировала своей внезапностью и серьёзностью. Бедная сестра!

– Как ты? Ты где? – продолжил я.

– Я... я дома. Вылечу... к ним ближайшим рейсом. В десять утра.

– Как это вышло? Они же оба вроде нормально всегда водили.

– Я... я не знаю. Игорь... толком ничего не сказал... да я и не спрашивала, – Вера заикалась от постоянных всхлипов.

– Муж рядом? Он полетит с тобой? Пусть даст тебе какое-нибудь успокоительное.

– Рядом. Он хотел... я сказала, не нужно. Он ещё не муж.

– Бери его с собой! Он же родной тебе человек. Кто, как ни он, тебя сможет поддержать? Летите вместе! Если денег на билет второй нет, то не вопрос, я сейчас переведу.

– Есть деньги, – Вера всхлипывала в трубку секунд пять,

высморкалась и продолжила. – Хорошо, попрошу его поехать.

– Хорошо. Я постараюсь быть у вас завтра ближе к ночи.

– Ты тоже? Тоже приедешь? Я... если честно... если честно, я не думала, что ты решишь приехать.

– Верусь, честно тебе скажу, я, наверно, не столь сильно огорчён этой ситуацией, как ты, но я бы очень хотел быть рядом с тобой в такой момент. Я понимаю, насколько это всё ужасно для тебя. Увидимся завтра в Новосибирске! Пока! Держись!

– До встречи, Андрюш! – попрощалась сестра и, всхлипывая, повесила трубку.

Пока я разговаривал, даже не заметил, как на автомате уже вышел из самолёта и шёл по трапу в здание аэропорта. Ужасная ситуация. Бедная Вера! Ужасно! Ну хоть жених с ней рядом.

Такси ехало нерасторопно, и в окно машины я смотрел на монотонно проносящиеся мимо нас светящиеся оранжевые фонари, движущиеся в такт бесконечно прокручивающемуся в моей голове телефонному разговору с сестрой. Её состояние меня очень огорчало; расстраивался ли я когда-нибудь столь сильно из-за чего-либо? Любил ли я кого-нибудь так сильно, как она любила своих родителей? Чья смерть могла бы меня расстроить настолько, что я был бы так убит горем? Верина? Да, пожалуй, я бы очень расстроился. Никого нет мне ближе, чем она. Надеюсь, что она проживёт долгую и

счастливую жизнь.

Ну он и ублюдок! Чёртов братец же ведь мне так и не позвонил! А он мне родной брат! Сволочь, позвонил сводной сестре, а родному брату не позвонил. Уж мог бы и сообщение написать. Посмотрел бы я ему в глаза. Ох, он же будет на похоронах, и, выходит, увижу я его уже буквально через сутки-двое. Совсем об этом не подумал.

Интересно, какой он сейчас? Когда я уезжал от них, он был двадцатипятилетним парнем, закончившим со средними успехами местный институт, месяц назад женившимся на дочери маминой подруги и взявшим в ипотеку однокомнатную квартиру в пригороде. Двенадцать лет прошло, и ему сейчас должно быть тридцать семь: наверное, у него уже и собственная семья есть, и дети. Давно я о нём не вспоминал, но даже когда думал о нём, то представлял себе того двадцатипятилетнего мальчика. Именно таким он остался в моей памяти, и я совсем забыл о том, как быстро идёт время.

Мы подъехали к отелю, и я рассчитался с таксистом. Зарегистрировавшись в отеле и закинув сумку в свой номер, я спустился к выходу и пошёл в сторону небольшого ресторанчика, находившегося примерно в километре от отеля. Надеюсь, что он не закрылся с тех пор, как я был здесь последний раз: в начале февраля, кажется. И нужно поторопиться – насколько я помню, заказы они заканчивают принимать в одиннадцать часов, и у меня оставалось в запасе чуть менее часа.

Я зашёл в ресторан и сел рядом с окном на небольшой диван, заказав себе сочный жирный поджаристый стейк из лосося с сельдереевым пюре, чайник чая и какой-то йогуртовый десерт. Город спал: за окном было пасмурно и оттого темно, асфальт локально подсвечивался фонарями, с другой стороны улицы проходила пара о чём-то болтающих ребят, и было слышно тихий шум ветра, колеблющего листья берёзовых насаждений вдоль дороги, которые непрерывно шелестели и двигались в такт тоненьким веточкам, отходящим от основных ветвей, упирающихся в ствол. Как же здесь, в этом месте, тепло и хорошо! Интерьер, выполненный по большей части из тёмного дерева, и приглушённая подсветка создавали у меня ощущение, что я сижу, укутавшись в плед в кресле напротив горящего камина, внутри которого быстро сменяли друг друга небольшие языки пламени, а время от времени потрескивающие поленья медленно меняли свою окраску от ярко-красной до чёрной и наоборот. Время замерло. Так странно: здесь, в тысяче километров от Питера, я чувствовал себя как дома, в абсолютной безопасности и тепле. Мои мысли плавно перетекли к тому, что я сижу напротив камина, маленький, у мамы на коленях, она убаюкивает меня и читает книгу. За окном проливной дождь, а у неё на руках так уютно; дома тишина, и лишь её тихий голос, почти шёпот, доносится до моих ушей. Жаль, что эти фантазии никогда не были явью: камина у нас в квартире, разумеется, никогда не было, да и такой мамы у меня не было тоже – но

представлять себе это было очень приятно. Как, наверно, повезло тем людям, для которых это является воспоминанием, а не выдумкой.

Уходить не хотелось, но в полдвенадцатого я пошёл в сторону отеля и написал, наконец, Владимиру Семёновичу о том, что я успешно добрался и завтра буду у него в офисе в десять утра – совсем забыл отписаться ему со всей этой суматохой. Подходя к отелю, я вдруг осознал, что обещал Верре приехать завтра ночью. Из головы вылетело, что в среду у меня назначен обед, ради которого я, в том числе, приехал сюда. «Уже известно, когда похороны?» – написал я сестре, заходя в номер. Ответ пришёл минут через пять: «В четверг в 12. Потом поминки.». «Хорошие новости!» – подумал я: «Не получается приехать завтра. Буду в среду к вечеру. Ок?». «Ок», – написала сестра, и я с облегчением открыл ноутбук, чтобы забронировать билет на самолёт на вторую половину дня в среду.

В первом часу я лёг в постель. За окном шумел ветер, и под его звуки я минут через десять задремал. Мягкие тёплые руки обнимали меня, пока я смотрел на горящие языки пламени в камине, а тени от предметов играли на стенах в такт огню горящих поленьев. Прижавшись к груди, я слушал биевание сердца родного человека и всем телом ощущал тепло и защищённость от любых проблем, которые могли произойти. Подняв голову и посмотрев в лицо тому, у кого я сидел на коленях, я увидел спокойный и полный любви взгляд: сверху

на меня смотрел я сам.

СТАРЫЕ ЗНАКОМЫЕ

– Большое спасибо, что подвезли до аэропорта, Владимир Семёнович! – я поблагодарил моего давнего знакомого. – Я рад, что выдалась возможность повидаться с Вами! Надеюсь, что в будущем будем видеться чаще, чем раз в полгода.

– Мне тоже очень приятно, что Вы приехали, Андрей! Простите, что не смог Вас встретить в понедельник! – ответил Владимир Семёнович. – Мне кажется, что Вы понравились Дмитрию: после вчерашнего ужина он весьма лестно отзывался о Вас, когда Вы нас покинули. Хотя мне показалось, что он не очень впечатлился нашим походом в филармонию.

– Ну, филармония – это на любителя. Не все могут оценить. Я и сам на подобных мероприятиях чувствую себя немного не в своей тарелке. Хотя я рад, что мой приезд попал на это выступление. Надолго запомню.

– Почему ты летишь в Новосибирск? Мне казалось, что ты собирался вернуться в Питер на этой неделе? Опять непредвиденные обстоятельства?

– И не говорите, с моей работой сложно планировать что-то в краткосрочной перспективе. Вечно теребят. Впрочем, домой я планирую прилететь уже в пятницу, – ответил я, хотя искренне надеялся, что у меня будет возможность улететь уже в четверг вечером. Надолго я в Новосибирске задерживаться не имел ни малейшего желания.

– До свидания, Андрей! – седоволосый пятидесятилетний мужчина сказал мне это с некоторой грустью, хоть и с улыбкой на лице.

– Прощайте! Ещё раз спасибо!

Мы пожали друг другу руки, и я отправился на посадку. Как же приятно видеться с такими людьми, как Владимир Семёнович! Интеллигентный и образованный – всегда узнаю что-то новое и интересное, общаясь с ним. Хотя, пригласив меня вчера в филармонию на органнй концерт, он перебрал, так как оценить всё мастерство выступающего я вряд ли мог. Наверное, выступающий играл хорошо, но я временами ловил себя на мысли о том, что не понимал, как я вообще там оказался. Думаю, что Дмитрий думал так же, только скрыть это у него не очень хорошо получалось.

Дмитрий, тот, ради знакомства с которым я сюда ехал, оказался на удивление простым человеком, без заскоков. Редко удаётся в моей работе познакомиться с такими. Думаю, что мы с ним наладим отличное сотрудничество. Надо будет не забыть написать ему в ближайшие дни письмо и поблагодарить за хорошо проведённое время. Не то чтобы я провёл его с ним великолепно, но написать нужно, если я хочу, чтобы он меня запомнил на фоне остальных людей.

Зарегистрировавшись на рейс и заказав себе кофе, я позвонил сестре. – Верусь, привет! Вы где остановились? Я буду в Новосибирске часа через четыре и из аэропорта готов ехать сразу к вам.

– Привет! Мы остановились в гостинице, недалеко от квартиры родителей. Пришлю точный адрес по смс, – сестра говорила на удивление спокойным тоном. Не сравнить с тем, что было позавчера!

– Хорошо. Как ты себя чувствуешь?

– Нормально. Олег дал мне успокоительное, вроде работает.

– Я позвоню, как прилечу и заселюсь в отель. Предлагаю где-нибудь поужинать.

– Да, давай. Целую.

– До встречи.

Я положил трубку и вдруг осознал, что только сегодня узнал, как зовут её жениха, хотя они уже два года жили вместе. Хорошо быть вместе с любимым человеком, на которого можно рассчитывать. Рад, что у Веры есть тот, кто может прикрыть тылы. Жаль только, что у меня никого нет. Конечно, и Лёша, и Саша, и многие другие мои знакомые – тот же Владимир Семёнович – надёжные и приятные в общении люди, которые не оставят в трудный момент, но это не то. Я был по-настоящему близок лишь со своей женой, но она уже в прошлом. Ближе к разводу она неоднократно мне говорила, что я использую людей, и у меня никогда не было и не будет друзей. Разумеется, она пыталась меня уколоть, говоря такое во время очередной ссоры. Говорила это, пытаясь напугать тем, что после развода я останусь совсем один. Думаю, что ей бы действительно удалось меня этим напугать,

если бы не одно «но», заключающееся в том, что даже если бы я и остался один, то одиночества я не боялся.

Однако после развода я начал всерьёз задумываться над тем, что она сказала. Что если она действительно права? Если отбросить всю ненависть, с которой она мне это говорила, и её мотивы меня запугать, то в сухом остатке её слов остаётся то, что у меня нет близких людей. Мне нравилось общаться с друзьями и коллегами, и я всегда был искренне рад совместным встречам, но если задуматься, то я никогда не проявлял сам инициативу повидаться и никогда не ловил себя на мысли о том, что, в принципе, имею желание увидеться с моими знакомыми или узнать, как у них дела. Со временем я всё чаще задумываюсь над тем, что, быть может, я так хорошо научился играть роль общительного и жизнерадостного человека, что смог убедить в этом не только окружающих, но и себя? Может, бывшая жена видела то, чего я сам не видел? Может, моё удовлетворение и радость от общения с друзьями и коллегами – это всего лишь маска, которая настолько прочно приросла ко мне, что я забыл, каково моё истинное лицо? Если это так, то это, пожалуй, и стало причиной развода. Наверное, ей сложно было верить человеку, который обманывает не только других, но даже себя. Будь это правдой, то я бы на её месте тоже подал на развод.

Тем временем по ту сторону иллюминатора уже начали виднеться первые звёзды. Давненько я не видел звёздного неба с земли – вечно облака с редкими проявлениями солнца

днём. В самолёте прекрасно то, что ему безразлично то, что творится под ним: морозящий дождь, мокрый снег, слякоть – не важно: на высоте десять километров над уровнем моря всегда минус пятьдесят и абсолютно ясно. Мне нравится такая стабильность.

Завтра тяжёлый день: похороны и поминки меня не сильно волновали, но необходимость встречи с братом, раздосадованной сестрой и множеством старых знакомых матери и отчима наводила на меня некоторую тоску. Лишь бы меня не попросили сказать прощальное слово, так как в любом случае ситуация возникнет неловкая: либо я скажу, что мне плевать на то, скончались мои родственники или нет, потому что они были паршивыми родителями, либо откажусь произносить речь под предлогом того, что ничего хорошего я сказать о них не могу, а о покойниках плохого не говорят. Даже не знаю, какой вариант выбрать, хотя итог будет один – шок, а затем презрение ко мне как к неблагодарному сыну. Ну, по крайней мере, на поминки я идти не обязан, достаточно будет лишь час-два провести на кладбище и по возможности помалкивать. Надо будет завтра с утра зайти и купить костюм. Командировка была неформальной и официальных вещей я с собой не брал – на похороны в такой одежде не пойдёшь.

К девяти часам вечера я уже заселился в отель, успел принять душ и собраться. Хорошо хоть вчера додумался застирать вручную нижнее бельё и носки, иначе чистых вещей уже

вообще бы не осталось – в это время я уже планировал быть дома и отдыхать. Я позвонил Вере и договорился встретиться в ресторане в паре километров от моего отеля и недалеко от её.

Я вышел из отеля и закурил. После того как я прошёл примерно полкилометра, у меня зазвонил телефон, и, взяв трубку, я услышал голос Саши.

– Здорово, Андрей! Ты давно бывал на Хибинах? – как всегда, бестактно выпалил Саша. Люблю его непосредственность.

– Привет! Был там студентом последний раз, когда катался на сноуборде. А у тебя есть предложение туда съездить? Мне кажется, сезон ещё не начался, но думаю, что ради тебя они насыпят искусственный снег, – с сарказмом ответил я.

– Да не. У меня там деловая встреча, часть завода в собственность планирую прикупить, а мои северные коллеги предлагают перед этим собраться и на пару дней в поход сходить в горы. Ты же вроде любишь горы, вот и вспомнил о тебе. Поедешь со мной? И на кой чёрт им меня в поход тащить...

– Не знаю, сколько твоим коллегам лет, но полагаю, что от сорока и выше, и их любимый артист – Высоцкий. Помнишь, там песня у него есть про то, что если хочешь проверить человека на паршивость, то нужно его в горы взять. Вот они, видимо, и берут: проверять тебя будут! – я засмеялся.

– Что за люди! Нормально-то нельзя что ли было сказать?!

Теперь действительно всё складывается в общую картину, а то их предложение ввело меня в некоторый ступор. Тогда позвоню им сейчас и соглашусь. Так ты составишь мне компанию?

– А когда вы едете?

– Они хотят выехать из Кировска утром в субботу и вернуться через пару дней. В понедельник вечером, полагаю. Если ты согласен, то можем встретиться в пятницу в Мурманске и оттуда выехать к ним. Прямой рейс до Апатитов из Питера есть завтра, но я в Томске дела решаю и на него не попадаю.

– Ты в Томске?! Как тесен мир, а я в Новосибе сейчас!

– Круто! Давай тогда я в пятницу подъеду в Толмачёво, и вместе вылетим в Мурманск?

– Блин, как-то это всё совсем не входило в мои планы. Но, конечно, я не оставлю тебя наедине с извращенцами, которые решают вопрос по продаже завода исключительно на вершине гор. С их стороны сколько человек поедет?

– Хватит издеваться! По количеству точно не знаю: поедут собственник и директор, но сказали, что, возможно, нескольких инженеров или геологов с собой возьмут. То есть, думаю, максимум человек пять поедет.

– Может, Лёху с собой прихватим? Думаю, он захочет развеяться немного, а то сидит безвылазно в своих ресторанах.

– Конечно, зови! Я с ним разговаривал месяц назад, голос у него был немного скучающий.

– Отлично! Я позвоню ему.

– А ты что делаешь в Новосибирске? Мне казалось, тебя туда днём с огнём не затащишь. Настолько важная встреча, что ради неё даже туда прилетел?

Всегда умиляло то, как он коверкает поговорки. – Я тут с сестрой встречаюсь. Как раз минут через пятнадцать увижу её. Шесть лет не виделись.

– О! Ну это дело хорошее! Она же на Камчатке где-то живёт, ты говорил. Почему в Новосибирске решили встретиться, а не у неё или тебя?

– Мать с отчимом разбились в понедельник. Завтра похороны, и я приехал её поддержать.

– Ох... – после продолжительного молчания Саша продолжил. – Прости, ты уверен, что хочешь ехать со мной? Мне жаль! Если бы знал, то не стал бы тебе звонить со всякой ерундой.

– Саш, прекрати! Хотя бы ты не разговаривай со мной так, как будто я убит горем и ты хочешь мне помочь. Я в полном порядке, и единственная причина, по которой я сюда приехал – это увидеться с сестрой. Я с радостью полечу с тобой на Хибины!

– Хочешь, я приеду к тебе не в пятницу утром, а в четверг вечером? Думаю, что тебе там одному не очень весело.

– Идея хорошая, но чёрт знает что там завтра будет твориться, и я понятия не имею, во сколько освобожусь. Лучше приезжай в пятницу с утра. Встретимся в аэропорту, – я

собирался попрощаться, так как уже подходил к ресторану, но вдруг вспомнил характерную беспечность Саши. – И, да, Саш, ты знаешь, что в сентябре на Хибинах уже довольно холодно? Возьми зимние вещи! В осенней куртке замёрзнешь.

– Хм, да? Спасибо, прикуплю из одежды здесь что-нибудь. А сколько там?

– Не знаю, посмотри в интернете. Я тоже себе что-нибудь прикуплю.

Мы посмеялись и закончили разговор. Незамедлительно позвонив Лёше и получив от него утвердительный ответ, я написал Саше о том, что Лёша тоже едет, и нас будет трое.

Девять двадцать восемь – через две минуты мы договорились встретиться за столиком ресторана. Вера с Олегом должны быть уже там. Протянув руку к двери, я почувствовал характерную вибрацию в кармане и, так и не войдя внутрь, взял трубку.

– Андрей Александрович, здравствуйте! Вы уже вернулись? Я хотела узнать, будете ли Вы завтра. И хорошо бы, если Вам удобно, сейчас согласовать время для двух встреч! – звонкий голос Маши был для меня сейчас звуком, как будто доносящимся из совершенно иного мира.

– Маша, добрый вечер! – задумавшись, я понял, что у них сейчас ещё день, а не вечер, но плевать. – У меня изменились планы, и я раньше вторника на работе не появлюсь. Все срочные дела направляйте мне по почте, а встречи назначьте на вторую половину следующей недели. Хорошо?

– Хорошо, всё сделаю! Вам при необходимости можно звонить?

– Не стоит. И Алине с Пашей передайте тоже, чтобы без острой необходимости до вторника меня не беспокоили. Звоните только если возникнут исключительные обстоятельства.

– Поняла. Всё передам. До свидания!

– До свидания, Маш.

Я снова протянул руку к ручке двери и вошёл в ресторан. Оглядев зал, я увидел в дальнем конце помещения сестру, сидящую за столиком в углу и тихо разговаривающую с мужчиной лет тридцати. Полагаю, что это Олег. Вера увидела меня и расцвела. Подойдя к ним, я крепко обнял сестру, после чего она представила меня Олегу, и мы пожали с ним друг другу руки. Очень необычно было видеть Веру вживую, а не через экран ноутбука или смартфона. Как будто та Вера, с которой я разговаривал по телефону, и Вера, с которой я сидел сейчас за столом, были разные люди.

Безумно хотелось есть, и я предложил сразу сделать заказ. За полчаса ожидания еды мы обсудили то, как складывалась жизнь у всех участников разговора за последние пять лет. Оказалось, что Олегу был тридцать один год, и они познакомились, когда вместе с Верой работали в одном отделе. Они планировали завести детей незамедлительно после свадьбы, к которой уже почти всё было готово.

– Мы решили, что, возможно, немного перенесём свадьбу

в силу нынешних обстоятельств, – сказал Олег, посмотрев на Веру. – Может, на март или апрель.

– Поверить не могу, что родителей не будет на свадьбе! – на глазах у Веры навернулись слёзы, и Олег её обнял и прижал к себе.

– Но они же знали, что ты скоро выходишь замуж, и знали, что у тебя замечательный жених. Думаю, что сам этот факт их очень радовал. Олег, твои родители будут? Они знакомы с Верой?

– Да, мы ездим к ним раз в год летом на дачу. Они даже хотели приехать сюда на завтрашнее мероприятие, – Олег явно не хотел произносить слово «похороны». Но я сказал, что в этом нет нужды. Наши с Верой родители не были знакомы друг с другом. Знали друг о друге лишь то, что мы с Верой рассказывали, и видели фотографии.

– Понятно. Как Вы добрались? Узнали какие-то подробности произошедшего?

– Мы... я говорила с Игорем. Мама с папой возвращались с дня рождения тёти Эли. Было уже темно, и посреди трассы они столкнулись с фурой. Столкнулись – не совсем верное слово, скорее, попали под неё. Водитель жив и почти невредим. Следователи сказали, что виноват отец – выехал на встречную полосу на повороте с ограниченной видимостью. Да и по фотографиям места происшествия всё видно: столкновение действительно было на полосе, по которой ехал грузовик. Возможно, папа потерял управление, я не

знаю. Машина восстановлению не подлежит, а родители... врачи сказали, что они скончались мгновенно и без мучений, но их тела мне в морге так и не показали, – Вера не плакала, просто смотрела в одну точку посреди стола. – Игорь их видел, но сказал, что мне не стоит смотреть.

Интересно, что ей дал Олег, если она говорит обо всё этом в таком хоть и подавленном, но вполне адекватном состоянии? Надо будет у него попросить парочку таких таблеток на всякий случай.

– А Игорь как себя чувствует? – спросил я, скорее, из праздного любопытства, чем от реального желания узнать, как у него дела. Более того, наверно, я даже надеялся на то, что он убит горем.

– Игорь сильно расстроен. Ему тяжело, ведь, по сути, он один всё организовывал. Мы почти не принимали участие в организации похорон и поминок, хотя по возможности пытались помочь ему, когда приехали.

– Знаешь, а ведь он мне так и не позвонил и не сообщил о случившемся. Только ты мне сказала.

– Странно. Я понимаю, что отношения у вас складывались не самым лучшим образом, но мне казалось, что всё не настолько плохо, чтобы он тебе не сообщил о случившемся.

– Может, ты сказала ему, что сама позвонишь Андрею, и поэтому он не звонил? – предложил свою идею Олег.

– Да я смутно помню, что мы тогда говорили друг другу. Наверно, так и сказала, поэтому он и не связался с тобой,

Андрей. Завтра увидите.

– Завтра всё начинается в двенадцать ровно? – уточнил я.

– Да, но мы приедем раньше: к одиннадцати, наверное.

– Хорошо. Я заранее приезжать не буду, ладно?

– Конечно. Я всё понимаю. Спасибо, что приехал! Я очень рада, что ты здесь!

– И я очень рад! И наконец с Олегом познакомились.

Мы просидели в ресторане до полуночи и, обоюдно решив, что завтра тяжёлый день и всем нужно выспаться, разошлись. По пути в отель я вспомнил то, как меня маленьким мама с отчимом брали на похороны знакомых. Зачем они это делали? О чём они думали, когда говорили маленькому ребёнку идти посмотреть на то, как хоронят чей-то труп? Когда у меня будут дети, я ни за что не позволю им присутствовать на таких мероприятиях до тех пор, пока они не повзрослеют и не смогут сами сделать осознанный выбор – идти или не идти. Прикинув в голове количество похорон, на которых я присутствовал до семнадцати лет, мне удалось вспомнить семь. Причём, каждый раз это происходило либо осенью во время морозящего дождя посреди размокшей кладбищенской земли, превратившейся в чавкающую под ногами слякоть, либо зимой в тридцатиградусный мороз, от которого не спасала ни одна зимняя одежда, так как приходилось в течение часа стоять на одном месте и почти не двигаться. Почему никто не мог умереть летом, чтобы его хоронили в ясный солнечный летний день?! Примечательно, что с тех

пор как я двенадцать лет назад уехал в Питер, я ни разу не был на похоронах.

Проснулся я в восемь утра от звонящего будильника и ещё пару минут лежал в кровати, пытаюсь отогнать мысли о пришившемся сне – тоскливое и унылое послевкусие от той картины, как я стою посреди поля в сумерках, весь измазанный в грязи и промокший под дождём.

Позавтракав и собравшись, я отправился на такси в магазин за костюмом и зимней спортивной одеждой. Странное сочетание вещей, если не знать мои дальнейшие планы на неделю. С костюмом проблем не возникло, но при попытке найти нужную для поездки на Хибины одежду возникли трудности, так как был ещё не сезон. Удалось всё найти и купить лишь к одиннадцати часам утра. Я попросил таксиста подождать, пока я зайду в отель, чтобы закинуть в номер купленные вещи и переодеться. Моей просьбе он явно был не очень рад, так как, видимо, прокатавшись со мной по всему городу в течение более двух часов, он рассчитывал на то, что я с ним рассчитаюсь и отпущу. Когда я вышел в чёрном костюме и попросил его двигаться в сторону кладбища, по пути заехав в цветочный магазин, он посмотрел на меня с некоторым недоумением.

На кладбище мы были в одиннадцать пятьдесят три, а это значит, что я опаздывал, ведь надо было ещё дойти до места похорон. Я рассчитался с таксистом и начал искать нужное место, взяв с собой двадцать красных гвоздик. Весьма при-

вычным для меня было в такой ситуации затянутое облаками небо, хотя дождя не предвиделось. У центральной часовой меня ждал Олег – его попросила меня встретить сестра, когда я ей сказал, что подъехал, но не знаю, куда идти. Он сопроводил меня к группе людей, столпившейся возле одной огромной ямы, рядом с которой по разные стороны стояли два закрытых гроба. Многих среди присутствующих я знал, но некоторых видел впервые. По крайней мере, мне так казалось, хотя смотрели они на меня так, как будто мы были знакомы. Рассматривая всех этих людей, я невольно вспоминал те моменты, когда я с ними виделся будучи ребёнком. Вон и тётя Эля, с дня рождения которой мать с отчимом возвращались прежде, чем попасть в аварию. Она слегка кивнула мне в знак приветствия, и я кивнул ей в ответ.

Остановился мой взгляд на человеке, стоявшем с другой стороны ямы – типичный алкаш с пивным животом, мешками под глазами и морщинистым лицом, окаймлённым соляными волосами и пятидневной щетиной. Взглянув на него, я даже не сразу понял, что это был Игорь. Он смотрел на меня и, встретившись со мной взглядом, отвёл глаза. Не понравилось мне то, как он на меня смотрел: холодный и презрительный взгляд. Меня это немного смутило. Я, конечно, не ожидал того, что он кинется ко мне с объятьями, крича «Как я рад тебя видеть, мой дорогой брат!», но полагал, что мы хоть поздороваемся и пожмём руки.

– А что с Игорем? – я тихо спросил Олега, так как сестра

плакала рядом с гробом матери, и я не стал её трогать.

– В каком смысле?

– Выглядит он не очень. Понимаю, что сейчас он убит горем, но у меня такое чувство, что он уже давно и крепко выпивает.

– А что ты о нём знаешь? Вы с Верой о нём никогда не говорили?

– Нет, мне это было не очень интересно. Последнее, что я о нём слышал – это то, что он женился и купил квартиру. Это было двенадцать лет назад, когда я отсюда уехал.

– Ну, за такой срок многое произошло. Семь лет назад его бросила жена и забрала с собой детей. У него два сына, с которыми он не видится, так как они с матерью уехали в Казань. Я не сильно осведомлён в этой ситуации, но вроде его бывшая жена вышла замуж, и они прекрасно там живут без него. С тех пор он и пьёт. Четыре года назад по инициативе твоей матери и Веры он проходил реабилитацию в наркологической клинике, так как подсел на наркотики. С тех пор он их не принимает, но пьёт ещё больше. После развода он жил с родителями. Да и сейчас он живёт в их квартире.

– Кошмар! Я ожидал увидеть, что угодно, но только не это. Последний раз, когда я его видел, я и подумать не мог, что он превратится в такое... такого человека.

– Да, неприятно. Вера переживала за него, но я её образумил и убедил в том, что он взрослый парень, который сам решает, как ему жить, и его выбор не должен служить огор-

чением для неё. Вроде сейчас она к нему относится сравнительно терпимо. С тобой она общается значительно чаще, чем с ним. Мне кажется, что в последнее время она и вовсе звонила ему лишь ради приличия, а не от большого желания с ним поговорить.

Священник закончил мямлить свою унылую монотонную похоронную песню, и гробы стали опускать в погребальную яму. Мы с Олегом обняли Веру, которая стала реветь ещё сильнее при виде того, как гробы начали засыпать землёй.

– Ты поедешь на поминки? – спросил меня Олег.

– Вряд ли. Думаю, что мне там нечего делать. А где они будут и во сколько?

– В квартире родителей, мы помогали с утра Игорю прибираться в квартире, и Вера готовила еду вчера весь день.

– А сколько придёт людей?

– Полагаю, что большая часть из тех, кто пришёл на похороны, человек двадцать пять. По крайней мере, мы рассчитывали на такое количество. Начало в три, хотя многие, как я думаю, уже сейчас напрямую поедут туда вместе со мной и Верой, там ещё нужно разложить всё.

– Хорошо, я подумаю. В любом случае мне нужно ещё заехать в отель.

– Хорошо. Думаю, что Вера будет рада увидеть тебя там! Да и я тоже буду рад!

– Ближе к делу позвоню и сообщу.

– Ладно, до встречи.

ДАЧА РОДИТЕЛЕЙ

Я стоял и смотрел на то, как рабочие закапывают лопатами могилу. Некоторые знакомые подходили ко мне, обнимали и говорили, что рады меня видеть, и спрашивали, где я пропадаю. На что я вежливо здоровался и кратко отвечал, что не мог часто приезжать в родной город. Все медленно расходилось и садились в свои машины, стоящие на парковке перед кладбищем. Моё внимание привлёк, в том числе, и Игорь, который сел в бежевую ржавую «Волгу», рёв которой из-за неисправного глушителя в момент включения двигателя был слышен даже мне, стоявшему в пятистах метрах от парковки. Он уехал, оставляя за собой шлейф синего дыма. Интересно, сколько литров моторного масла потребляет его машина на сотню километров?

Менее, чем через десять минут рабочие закончили закапывать общую могилу матери и отчима и разошлись. Лихие ребята, я бы такую яму не менее часа закапывал – вот что значит профессионализм! Надгробный камень представлял собой тёмный прямоугольник с закруглёнными углами, на котором были выгравированы фотографии матери и отчима с датами жизни. Я подошёл поближе, положил на могилу цветы и пошёл в сторону парковки. Думаю, что я остался смотреть на то, как закапывают гробы, в то время как все остальные ушли, для того, чтобы окончательно убедиться в

том, что этих людей больше нет, и даже если это всё шутка и они захотят вылезти из своих гробов, то теперь им это не удастся, так как над ними более тонны влажной земли.

Решив не вызывать такси, я пошёл вдоль обочины узкой разбитой дороги, ведущей сквозь деревья от кладбища к асфальтированному шоссе. Идти на поминки или нет? Всё-таки я приехал поддержать Веру, и надо бы идти, раз уж я здесь. Но, с другой стороны, приходиться в квартиру матери, из которой я сбежал при первой же возможности, да ещё и видиться с братом совсем не хотелось. Решу по пути в отель. Пожалуй, потому я и не вызвал такси, чтобы было время подумать, как поступить.

Деревья монотонно шелестели на ветру, и начал накрапывать мелкий дождь. Я прикурил сигарету в тот момент, когда в моем сознании вдруг всплыл приближающийся рёв мотора, обернулся и увидел бежевую «Волгу» брата, несущуюся прямо на меня. В последний момент я отпрыгнул в сторону леса, но удар лобового стекла по правой ноге резко раскрутил меня в воздухе, и, прежде чем коснуться земли, я совершил по меньшей мере два полных оборота вокруг своего пупка. Когда я упал, то увидел, как резко затормозила машина, и на дорогу с характерным звуком консервной банки упало правое боковое зеркало машины. Земля на обочине была мягкой, что очень контрастировало с твёрдым стеклом машины, о которое пришёлся удар. Жирная пропитая туша брата выскочила из машины, открыла багажник, и прежде,

чем я что-то успел понять, он уже закрыл надо мной сверху крышку, предварительно вытащив у меня из кармана телефон. Я погрузился в полную тьму. Мотор взревел, и мы поехали. Внутри багажника бензином пахло так, что мне казалось, что меня сейчас стошнит, а на кочках сильно трясло. Но в целом, в багажнике машины оказалось не так уж и тесно, как я себе представлял, смотря по телевизору боевики.

Куда он меня везёт? Зачем? Что было бы, если бы я не отпрыгнул в сторону? Он что, собирается меня убить? Что мне делать? Я попытался открыть багажник, но безуспешно: в этом ржавом корыте внутренний замок для выхода из багажника предусмотрен не был. Да и подручных средств никаких не было: кроме меня в багажнике не было ничего – только крошки засохшей еды и песка. В полной тьме я нажал на кнопку секундомера на часах. Мне показалось, что мы ехали вечность. Когда мотор заглох, я услышал, как водитель открыл свою скрипучую дверь и вышел из машины. Через мгновение стали слышны, как мне показалось, закрывающиеся ставни ворот.

Тишина и абсолютная темнота. Почему ничего не происходит? Почему он меня не отпирает? Где он? Через минуту багажник открылся, брат незамедлительно взял меня за шиворот обеими руками и кинул на пол гаража, в котором мы находились. Прошла секунда, и я ощутил несколько ударов ногой под дых, от которых спёрло дыхание. Я попытался откашляться, как вдруг посмотрел наверх: на меня, пря-

мо промеж глаз, смотрел ствол охотничьего ружья, которое держал брат, стоя надо мной.

– Ты что, мелкий засранец, думал, что после всего того, что ты сделал, можешь просто так взять, явиться на похороны и затем спокойно уйти?! – Игорь смотрел на меня широко раскрытыми полными безумной ярости глазами и тряс ружьём.

Я молчал и смотрел на него, инстинктивно медленно отползая к стене, как будто пытаюсь увеличением расстояния уменьшить тот ущерб, который был бы мне нанесён выстрелом из ружья.

– Ты что, думал, что я закрою глаза на всё то дерьмо, которое ты устроил? – по мере того, как я отползал, Игорь подходил всё ближе ко мне.

Я почувствовал, что упёрся плечами в стену, такую же грязную, как и пол, по которому я полз. Везде была пыль и были разбросаны ржавые инструменты вперемешку с грязными клеёнками, пакетами и пивными бутылками. Сквозь щели в воротах гаража проникал дневной свет, в лучах которого сверкали пылинки, поднятые мной в воздух в тот момент, когда я упал на пол.

– Это ты виноват! – брат толкнул меня в лоб стволом ружья. – Это из-за тебя они умерли! Как ты мог так разбить сердце матери?! Ты знаешь, как она переживала, когда ты уехал?! Это из-за тебя у неё развился диабет! Ты. Должен. Страдать!

Я думал, что если он сейчас и не выстрелит, то я в любом случае помру в этом гараже: сердце так сильно и быстро билось, что от такой тахикардии у меня сейчас будет инфаркт. Что же мне делать? Что ему ответить? Он был совершенно безумен. В багажнике машины, если подумать, было не так уж и плохо. Уж лучше бы я по-прежнему сидел там.

– Если бы ты был нормальным любящим родителей сыном, то у нас всё было бы хорошо! Но ты, мразь, всё испортил! – Игорь глубоко вздохнул, прикрыв на мгновение глаза, будто бы пытаясь успокоиться.

Что же ему ответить? Да и ждёт ли он ответа от меня? Мне кажется, что любое слово, которое я ему сейчас скажу, будет расценено как повод к нажатию на курок ружья. Я молчал и бегло осмотрелся по сторонам, прежде чем вновь уставиться на брата: на полу рядом с моей ногой лежала крестовая отвёртка, вокруг разбросаны ржавые гвозди, а слева, в сантиметрах двадцати от моей руки, лежал небольшой пыльный молоток. По количеству скопившейся на нём пыли он лежал на этом месте уже как минимум год.

Молоток.

Резким движением я подался влево, увернувшись из-под ствола ружья, прислонённого к моему лбу, и схватил молоток, которым незамедлительно ударил Игоря по пальцам левой руки, придерживающим ствол ружья. Он взвыл, выпустив из левой руки ружьё, но по-прежнему держа его правой с пальцем на курке. Ещё мгновение, и я вскочил на ноги, пе-

реложив молоток в правую руку, и с размаху ударил его тупым концом по лицу: я попал в челюсть. Ружьё выпало из руки брата, а он и его выбитые зубы с тонкими струйками тёмной крови упали рядом с багажником машины. Он что-то начал стонать, но едва он успел произнести ещё хоть один звук, я прыгнул на него и с отмашки ударил его молотком в нос, после чего продолжил без остановки бить его по голове. Каждый удар сопровождался треском костей, напоминающим приглушённый звук ломающейся в руках сухой ветки, с характерной отдачей в кисть руки.

Сложно сказать, сколько это продолжалось, может, секунд пять, а может, и пару минут, но остановился я тогда, когда передо мной вместо головы брата было кровавое месиво: нижняя часть представляла собой смесь кожи, крови, костей и мяса, чем-то напоминающую спагетти болоньезе, а верхняя часть смахивала на игрушку из детства, в которую я когда-то играл – резиновый шарик с тальком внутри, из которого можно было лепить простые фигурки, – причём слеплено это нечто было так же неумело, как у меня в шесть лет. Из того места, где раньше был его левый глаз, вытекала розовая слизь – наверно, содержимое глаза.

Я сидел на теле Игоря и смотрел на то, что я сделал. Правая ладонь онемела, сердце продолжало бешено колотиться, и руки дрожали. Живот ныл то ли от тех нескольких пинков, которые мне нанёс брат, то ли от того чувства тошноты, которое вызвала представшая перед моими глазами картина.

Через мгновение я почувствовал, как всё внутри меня сжалось, и струя рвоты вырвалась из моего рта на голову брата, оставляя кислое и вязущее глотку послевкусие. От этого зрелища, к которому теперь добавился запах рвоты, меня стошнило ещё дважды, после чего я бросил молоток, перекатился на пол, откашливая куски непереваренной пищи, и просто лёг рядом с телом брата, пытаясь взять себя в руки. Возможно, я пролежал бы так ещё долго, если бы боковым зрением не увидел, как Игорь сделал резкий рывок в мою сторону. От неожиданности я отскочил метра на два и с глухим стуком ударился спиной в ворота гаража. Как же так, он же мёртв?! Он не мог остаться в живых после такого! Боже, а что если жив, надо срочно вызвать скорую, может, ему ещё можно помочь?!

Всё тело брата дёргалось в судорогах: ноги и руки быстро и резко тряслись, пальцы рук выпрямились и, дрожа, совершали медленные движения вперёд-назад, а голова, трясясь, приподнялась на мгновение над полом, разбрызгивая вокруг мою рвоту и его кровь. Длилось это секунд пять, после чего он застыл в совершенно неестественной позе: его тело лежало на полу, но было видно, как все его мышцы были напряжены. Не так я себе представлял смерть человека, но Игорь определённо был мёртв.

Я сидел на полу, облокотившись спиной на ворота гаража, и смотрел на лежащее передо мной тело. Что же теперь делать? Как же мне поступить? Надо взять себя в руки. Если

вызову полицию, то при виде его изуродованного тела они вряд ли поверят тому, что это была самооборона: в лучшем случае дадут превышение пределов самообороны, и присяду на два года, а в худшем – признают виновным в преднамеренном убийстве и дадут значительно дольше. В тюрьму совсем не хочется. Если убегу, то точно меня найдут, тут же везде мои отпечатки пальцев. Ну ладно, на молотке сотру и в багажнике тоже, но, может, я что-то пропущу? Да и, откровенно говоря, не совсем понимаю, как нужно их стирать. В фильмах легонько протирают платочком и улики не оставляют, но это же фильмы, может, их не так просто стереть, и, даже всё протерев, я не избавлюсь от отпечатков? Да и какие, к чёрту, отпечатки: всё заблётано моей рвотой, они меня по ДНК найдут. Уж всю свою ДНК я точно не подчищу здесь – совершенно ужасная ситуация!

Который час? Тринадцать десять и двадцать две с половиной минуты с тех пор, как я засёк секундомер в багажнике машины. Я не верил своим глазам – всего двадцать пять минут назад я ещё шёл вдоль обочины дороги, думая над тем, идти на поминки или нет. Ну что ж, теперь можно и сходить, брата на них точно не будет, а плохие воспоминания при виде маминой квартиры я как-нибудь переживу.

Я вернулся к размышлениям о том, как поступить, и медленно встал с пола. В этот момент я вдруг осознал, насколько сильно у меня болело правое бедро, по которому пришёлся удар машины. Терпимо вроде: стоять и идти могу, зна-

чит, кость не сломана и суставы не повреждены. На остальное плевать – само заживёт. Найти бы только болеутоляющее какое-нибудь. Посмотрев на всё вокруг внутри гаража и в узкую щель между створками ворот, я понял, что он привёз меня на дачу родителей, на которой я бывал в детстве. На улице никого не было, но если я выйду, то кто-нибудь из соседних домов может увидеть меня из окна. Как же мне выкрутиться из этой ситуации?

Тринадцать двенадцать. Прошло уже две минуты, а я до сих пор ничего не сделал. Время играет против меня. Нужно думать. Думать. Думать! Как же мне уйти отсюда так, чтобы никто даже не подумал меня подозревать в произошедшем? Алиби у меня нет, да и как оно может быть, если я по факту здесь? Может, закинуть тело в багажник вместе с молотком, почистить здесь всё и уехать на машине в какие-нибудь дебри, после чего закопать тело, а машину пригнать обратно? Нет тела – нет убийства, да? Да! Это то, что надо!

Я подошёл к брату, открыл багажник и с ужасом понял, что труп так окоченел, что мне его не согнуть до нужных размеров. Да и весил он, судя по всему, более ста килограмм – тяжело. Тяжело и безрезультатно. Даже в салон будет не запихнуть в той позе, в которой он застыл. Может, нарубить его на кусочки? Наверняка здесь есть топор. Я начал быстро ходить по гаражу, переворачивая всё, что попадалось под руку, в поисках топора, прежде чем остановился и ужаснулся от того, что я делаю: перебираю здесь всё, ища то, чем на-

рубить на кусочки тело брата – да я же везде оставляю свои отпечатки пальцев! Всё в такой пыли, что будет совершенно очевидно то, что здесь кто-то что-то искал, так как у всего, чего я касался, оставалась потёртость, на которой была смазана пыль.

Ну вот и всё. Как теперь быть? Нужно не суетиться: пока я сделал лишь хуже. Надо успокоиться и ещё раз хорошенько всё обдумать и, главное, ничего не трогать. Тринадцать шестнадцать. Это же дача, топор, наверное, не в гараже, а в сарайчике с дровами во дворе. Постой-ка, да это же наша дача! Тут нет никаких дров и топора, потому что здесь нет печи! Мать готовила на газовой плите, к которой был подключён баллон с пропаном.

Вот и ответ. План был хорош и в случае успеха позволил бы стереть все улики. Я прошёл из гаража внутрь дома – они соединялись дверью изнутри, поэтому на улицу выходить не требовалось – и тихо прошёл на кухню. Присев, чтобы меня нельзя было увидеть через окно, я потряс баллон и чуть не прослезился от счастья: баллон был почти полон. Заглянув под раковину, я опустошил мусорное ведро, вывалив из него всё на пол. Убедился в том, что баллон закрыт, и снял с него резиновый шланг, соединяющий его с плитой. Пригнувшись, тихо прошёл со шлангом и жестяным ведром обратно в гараж и подошёл к бензобаку. Лишь бы длины шланга хватило. Открыл крышку бензобака и начал засовывать в него шланг до тех пор, пока он не упёрся в дно. Длины шлан-

га было достаточно для того, чтобы его второй конец достал до пола, и я подставил под него ведро. Хорошенько затянувшись свободным концом шланга, мне удалось прогнать бензин по резиновой трубке, и он начал свободно литься из бензобака. Слава физике!

Двадцатилитровое ведро наполнилось до краёв, и бензин начал перетекать за края, но это длилось недолго. Судя по всему, пролилось впустую литра два. Хотя, почему же впустую: без дела не пропадёт и то, что пролилось. Оставив ведро, наполненное до краёв бензином, рядом с машиной, я взял тело Игоря за ноги и начал медленно тащить на кухню. Боже, какой же он тяжёлый!

Это длилось десять минут. Едва заметная полоска крови и рвоты простиралась из гаража до дивана на кухне, на котором теперь лежал брат. Я положил баллон с пропаном ему на живот и пошёл в гараж за ведром, но прежде, чем принести ведро на кухню, я облил весь хлам по краям гаража бензином, израсходовав около трети ведра. Тонкой струёй бензина вылил дорожку от гаража до кухни, и в итоге у меня осталось ещё целых полведра на то, чтобы облить всё вокруг, включая своего брата, лежащего на диване с баллоном, как Винни Пух с банкой мёда.

Тринадцать двадцать девять. Запах бензина разъедал глаза и слизистые оболочки носоглотки. Я облил наиболее горючие деревянные места, и накладок быть не должно, дом ведь деревянный. Посмотрев на брата и лежащий на нём

баллон, я начал сомневаться в том, что моя идея сработает: а вдруг баллон от взрыва просто улетит вверх, не повредив внутри дома ничего? Это же, наверно, как с петардой: если взорвётся в открытой ладони, то ущерб будет минимальный, но если в зажатой – оторвёт пальцы. Если тело брата просто обгорит, то это, безусловно, сотрёт любые отпечатки пальцев и рвоту с моей ДНК, но следователи не смогут пройти мимо разmozжённого черепа и точно заведут дело об убийстве. Мне это не нужно, не так ли?

Я снял баллон с Игоря и запихнул его между диваном и спиной брата. Нет, так ещё хуже, тело брата выбросит взрывом наверх, и он точно останется невредим и, может, даже не сильно обгорит. Очень плохо! Скинув тело Игоря на пол, я положил на него баллон с пропаном, перевернул на них диван, на который затем затащил плиту. Так точно ни тело, ни баллон при взрыве не выбросит наружу, а это значит, что мой злополучный братик не только обуглится, но его ещё и на куски разорвёт так, что вряд ли кому-то будет ясно то, что череп был раздроблен до взрыва. Супер! Как я рад, что я догадался до этой идеи! Осталось лишь понять, куда бежать так, чтобы быть незамеченным. Времени у меня будет не более минуты, чтобы скрыться в лесу, так как по моим представлениям пожар должен был начаться почти мгновенно. Я открыл окно, выходящее на задний двор участка, где за забором в пятидесяти метрах от дачного участка начинался густой лес, обмотал лицо кухонным полотенцем, чтобы меня

не узнали те, кто мог бы меня заметить, и, затаив дыхание, поджёг спичку, взятую в коробке, лежащем на подоконнике рядом с плитой. Поехали...

Через пару мгновений я уже пытался отдышаться от бега, лёжа в первых же попавшихся кустах в лесу. Дом горел сильнее, чем я ожидал, и пламя распространилось быстрее, чем я предполагал. Когда я впервые посмотрел назад, добежав до леса, весь первый этаж, включая гараж, горел рыжим пламенем, выпуская из окон столбы чёрного дыма, и начинал загораться второй этаж. Через несколько минут второй этаж уже всюду горел, и пламя вырывалось прямо через крышу. Как же жарко – я чувствовал тепло от пламени даже здесь, в кустах. Надо отбежать дальше. Да и зачем вообще смотреть и ждать? Взорвётся баллон или нет – я туда уже точно не вернусь. Отбежав ещё на сто метров, я обернулся и сквозь листву увидел, как какая-то пожилая женщина что-то кричит, стоя недалеко от охваченного пламенем дома. Взрыв произошёл спустя мгновение, разнося во все стороны куски постройки, хотя мои опасения по поводу того, что баллон или тело вынесет взрывом из дома, были, вероятно, напрасны. Стены и крыша, конечно, пострадали, но взрыв был не такой сильный, как я предполагал, и каркас дома после взрыва остался цел. Впрочем, уже через пару секунд весь дом обвалился и теперь представлял собой огромную кучу полыхающих брусьев, пламя от которых уходило метров на десять или пятнадцать вверх. Я побежал сквозь лес подальше от по-

жара. Насколько я помню, если бежать прямо, то через пару километров можно будет добежать до шоссе, где можно будет сесть на автобус или вызвать такси.

Твою ж мать, вызвать такси не получится, ведь брат у меня забрал телефон! Вряд ли он унёс его из дома: наверно, он остался у него в кармане или в машине. Если это так, то можно не волноваться, так как всё сгорит, не оставив и следа, но если он положил его где-нибудь во дворе, то меня могут найти. Хотя можно будет сказать, что я обронил его, когда бежал из такси на похороны, с намёком на то, что мой брат на обратном пути его нашёл и забрал себе. Да, пожалуй, в таком случае именно так и скажу, хотя почти уверен, что сейчас от моего телефона уже ничего не осталось.

Бежать не получалось – болела нога, но удавалось идти быстрым, хоть и прихрамывающим шагом. Думаю, что нужно пойти на поминки – это будет неплохим алиби. Если я буду со всеми тогда, когда станет известно о кончине брата, то вряд ли кому-то будет дело до того, что в момент его смерти я был неизвестно где. Олегу и Вере я сказал, что поеду в отель, так что должно всё сложиться хорошо. К началу третьего я увидел мелькавшее между деревьями шоссе, подходя к которому, я оглядел себя: мокрые и грязные ботинки, пыльные штаны и пиджак и кухонное полотенце в руке. В ближайших к дороге кустах я протёр полотенцем лицо и затем ботинки, снял грязный пиджак и отряхнул брюки. Хорошо, что костюм чёрный, и на нём почти не видно грязи,

белая сорочка осталась почти незапачканной, так как поверх неё был пиджак, который взял на себя всю грязь. Запихнув полотенце в рукав пиджака и свернув его так, чтобы не было видно грязи, я дошёл до ближайшей остановки. В кармане пиджака лежали триста рублей и ключи от номера, так что осталось лишь сесть на первый попавшийся автобус – отсюда они все едут в сторону центра – и добраться до отеля.

Оставалось десять минут до начала поминок, когда я вошёл в свой номер. Опаздывать было нельзя: от кладбища до отеля и от отеля до квартиры матери было пятнадцать-двадцать минут езды на машине. Будет странным то, что я опоздаю, но что-нибудь придумаю. Я позвонил из номера на стойку информации и попросил вызвать такси на ближайшее время. Положил всю одежду, что была на мне: брюки, пиджак с полотенцем в рукаве, сорочку, галстук, трусы, носки и ботинки в пакет и плотно завязал. От всего пахло бензином и потом. Посмотрев в зеркало, я с ужасом обнаружил, что всё правое бедро представляло собой огромную иссиня-красную гематому. Как я вообще ходить могу? Ладно, главное, что могу.

Быстро приняв душ и тщательно помыв каждый квадратный сантиметр своего тела, я оделся в обычную одежду. Кое-как запихнул пакет с вещами в сумку, взял банковскую карту и пошёл к ожидающему меня такси.

Я попросил остановить меня в квартале от квартиры матери, рассчитался с таксистом и вышел из машины. Выкинув

пакет с вещами в дворовый мусорный бак, я дошёл до аптеки и купил болеутоляющее и воду. Закинувшись двумя таблетками сразу, выдвинулся в сторону квартиры матери и к моменту звонка в домофон уже начал чувствовать, как стихает боль в ноге.

Пятнадцать тридцать четыре: не сильно-то я и опоздал. Прошло менее трёх часов с того момента, как я положил цветы на могилу матери и отчима, но по моему субъективному восприятию прошла целая вечность. Теперь главное успокоиться, не суетиться и думать о том, что говорю.

– Андрей, привет! Спасибо, что всё-таки пришёл! – Вера открыла мне дверь и впустила в квартиру. – Я не могла до тебя дозвониться.

– Привет! Да, я вздремнул часок в отеле, а когда проснулся, обнаружил, что телефон разряжен. Зарядить так и не успел, потому что проспал и сразу побежал сюда, – ответил я, снимая обувь и проходя в гостиную.

– Мы ещё не начали, так как Игорь куда-то запропастился. Дозвониться до него не можем. Ты его не видел?

– Последний раз я его видел, когда он уезжал на машине с кладбища. Может, начнём без него? Как-никак двое из трёх детей здесь. Или думаешь он обидится, когда придёт и увидит, что без него начали?

– Думаю, что обидится, но он сам виноват. Куда можно было пропасть за два часа до поминок? Не удивлюсь, если он сейчас сидит и бухает в каком-нибудь кабаке. Давай на-

чинать!

Я сел рядом с Верой и Олегом и на протяжении часа ел, изображая скорбяще-смиранный вид и отвечая на вопросы о том, почему я так редко приезжал к родителям. Редко: да я вообще ни разу не приезжал. Тосты с последним словом о родителях сказали Олег и Вера, и близился мой черёд. Как же не хотелось ничего говорить: я и сами тосты говорить не умею, и о матери с отчимом сказать ничего хорошего не могу. Прошло десять минут после речи Веры, и я начал ловить на себе взгляды присутствующих, ожидающих речи. Пора – не отверчусь!

Я взял стопку, встал и выждал несколько секунд до тех пор, пока все не замолчат и не посмотрят на меня, в это мгновенье прикидывая свою будущую речь: – Дорогие друзья, думаю, что мне сложно будет найти слова для того, чтобы выразить то сожаление, которое я испытываю от такого печального события, ту горечь от того, что я не смог быть рядом с родителями в последнее время. Я много мог бы сказать о том, что я чувствую от этой утраты, но, пожалуй, больше всего я хотел бы поблагодарить родителей за то, что именно благодаря им я вырос самостоятельным человеком, способным справляться с трудностями, встречающимися в жизни. Сложно представить то, кем бы я был, если бы не их подход к моему воспитанию. За маму с отчимом! – я поднял стопку и сделал вид, что пью. Все последовали за мной и выпили. Дурацкий тост, но это единственное из того, что мне удалось

из себя выдавить, говоря о них.

Через пару минут раздался пронзительный звонок в дверь.

– А вот и Игорь! – сказал я в тот момент, как по всему моему телу пробежала дрожь, и от выброса адреналина ноги налились свинцом.

– Наконец-то! – ответила Вера и пошла открывать дверь. Я последовал за ней.

Мои опасения подтвердились, и за дверью стояли двое участковых.

– Здравствуйте! – участковые представились, на автомате пробубнив свои звания и фамилии. – Вы хозяйка квартиры?

– Здравствуйте! Я дочь хозяйки – Вера Анатольевна. Хотя часть этой квартиры моя, так что формально я тоже собственница. Что случилось?

– Два часа назад произошёл пожар в садоводстве к юго-западу отсюда. По документам пожар произошёл на участке, принадлежавшем Вашим родителям. Сгорел дом. Пожар локализован, но необходимо проехать на место происшествия и затем в участок для того, чтобы дать показания. Сейчас на месте происшествия работают сотрудники МЧС.

Через пять минут мы втроём уже сидели на заднем сиденье полицейской машины, оставив гостей дома, – такси решили не брать, а полицейские не возражали нас подвезти. Подъезжая к садоводству, перед нами предстал огромный столб серого дыма, простирающийся в небе на несколь-

ко сотен метров. Я пытался не выдавать страха, но сердце бешено колотилось в груди. В голове представлялась сцена, при которой мы выходим из машины, а перед нами лежит почти не обгоревший труп Игоря с раздробленным черепом и моим телефоном в кармане. И в тот момент, как следователи начинают задавать компрометирующие вопросы, начинает звонить мой телефон. Полицейские его достают, и Вера в недоумении восклицает «Андрей, так это же твой телефон!». Если всё будет так, то бежать будет бессмысленно, а моя история про то, как я потерял на кладбище телефон, будет очевидной для всех ложью. Я сидел в машине с кондиционером, но по спине и вискам медленно стекали капли холодного пота. Всё должно быть хорошо – пытался я успокоить себя – всё должно быть хорошо: я же своими глазами видел взрыв и то, как обвалился дом. Но вдруг я ошибаюсь? Что если уже сегодня ночью я буду находиться за решёткой и выйду на волю лет так через десять? Ещё сто метров езды, и решится моя судьба.

Когда мы вышли из машины, так пахло гарью, что было трудно дышать. На месте дачи было пепелище: груда обугленных ещё дотлевающих кусков дома и обгоревший кузов машины, заваленный кусками полопавшейся черепицы. Вокруг стояли четыре пожарные машины, и работали не менее десяти пожарных.

Мы молча стояли и смотрели на происходящее, пока к полицейскому не подошёл второй офицер и тихо не сообщил:

– Капитан, звонили из больницы. Бабуля скончалась.

– Вот как. Ясно, спасибо. Остальные пострадавшие как?

– Всё в порядке. Лёгкий шок, серьёзных травм нет. Некоторых уже отправили по домам.

Капитан ещё минуту стоял, молча смотря на происходящее, после чего я спросил у Олега, не это ли машина Игоря стоит на участке.

– Да, его, – ответил он и посмотрел сначала на меня, а затем на Веру.

– О господи, Игорь! – взревела сестра. – Вы не видели моего брата? Это его машина под обломками гаража! Вы пытались ему дозвониться?

– Спокойно, спокойно, любовь моя! – Олег обнял мою сестру, которая пыталась прорваться к дотлевающему дому.

Капитан махом руки подозвал к нам медбрата, который уже через минуту вколол Вере успокоительное.

– Так это машина Вашего брата? – спросил меня капитан.

– Вроде его.

– Его, его. Точно совершенно! – подхватил Олег. – Мы не можем ему дозвониться уже больше часа.

– Понятно. Будем искать. Думаю, что поговорим в машине, в участок ехать пока смысла нет.

Мы с Олегом проследовали за офицером полиции к его машине, где в течение получаса отвечали на его общие вопросы о том, когда мы видели Игоря, кто мы такие, какое отношение имеем к даче, были ли у Игоря недоброжелатели,

и что мы делали после того, как последний раз пересекались с братом. Олег подтвердил то, что я поехал после кладбища в отель и затем прибыл на поминки, а я рассказал то, что в отеле вздремнул. Затем к беседе подключилась и Вера, рассказывая сонным голосом о том, что Игорь всё в жизни проспал и был алкоголиком, с которым было даже стыдно появляться на людях.

Пока мы говорили, к машине подошёл сотрудник МЧС и попросил проследовать офицера за ним. Мы с Олегом и сотрудником амбулатории пошли вместе с ними, а Вера осталась в машине, растекаясь в полудрёме на переднем сиденье. Подойдя к забору изнутри участка, пожарный указал на предмет, лежащий на траве. Я приготовился к худшему, ожидая, что это может быть мой телефон. Посреди сгоревшего газона, среди дымящихся кусков дома, лежал обугленный кусок руки, представляющий собой, скорее, не руку, как таковую, а кости с припёкшейся к ним чёрной массой. По мере того, как мы к ней подходили, душный запах сгоревшего дома сменился на едкий запах обугленной плоти, сильно схожий с запахом жжёных волос.

Слава богу, это не телефон! Знатно всё-таки бомбануло, раз полруки на пятнадцать метров отбросило! Не зря диваном и плитой накрыл. В этот момент я понял, что вроде меня пронесло, и всё получилось так, как я планировал.

– Ваш брат носил на себе какие-либо металлические украшения? – обратился ко мне сотрудник амбулатории. – Коль-

ца или цепочку? Серьги?

– Я видел его сегодня впервые за двенадцать лет с расстояния метров десять. Я не знаю.

– Кажется, он носил обручальное кольцо на левой руке – так и не снял его после развода. Вроде вчера, когда мы были у него и готовились к поминкам, оно было на нём, но я не уверен, – ответил медбрату Олег.

Капитан посмотрел на траву: – Рука правая, надо бы левую найти. Раз одна есть, значит, и вторая где-то лежит.

Рациональность доводов полицейского меня даже несколько забавляла. Думаю, что с капитаном я бы нашёл общий язык.

К восьми часам вечера мы с Олегом ещё были на месте пожара. Веру он отвёз спать в отель ещё два часа назад. Пожарные машины уехали, и сотрудники МЧС тоже все разошлись после того, как удалось обнаружить ещё пару кусков тела Игоря, включая левую руку, на которой действительно было кольцо, и полностью потушить обломки дома. К десяти часам вечера ни у кого не было сомнений в том, что пожар произошёл по вине брата. Предполагалось, что он, будучи пьяным, не досмотрел за огнём на плите, вследствие чего произошло возгорание с последующим взрывом баллона, и гибель. Так было удобно считать абсолютно всем заинтересованным лицам, и если не всплывёт каких-либо новых фактов – а они вряд ли появятся – то я надеялся, что дело закроют уже через неделю. Соседи видели, как Игорь на своей

машине заехал в гараж, но никого больше не видели: в машине он ехал один, что с уверенностью подтвердил сосед, мимо которого он проезжал, а то, как кто-либо, кроме брата, заходил в дом или выходил из него, никто не видел.

Мы распрощались с капитаном полиции и сели с Олегом в заказанное такси.

– Ну и денёк! – со вздохом сказал Олег.

– Интересно, как там гости? Совсем про них забыл. Они же в квартире остались.

Когда я отвозил Веру в отель, на её телефон позвонил один из присутствующих с вопросом о том, что случилось и когда мы вернёмся. Я объяснил вкратце ситуацию и попросил продолжать застолье столько, сколько потребуется, и извинился за то, что мы не можем приехать.

– Думаю, что они уже разошлись по домам, – ответил Олег и после недолгого молчания продолжил: – Знаешь, а ведь ты теперь единственный родственник Веры. Хорошо, что ты здесь!

– Да уж! Ей, наверно, ужасно тяжело, – ответил я. – Ты посмотри на её состояние через пару недель: мне кажется, что в силу последних событий не стоит откладывать свадьбу. Ведь после того, как Вы поженитесь, у неё снова станет много родственников: ты и вся твоя родня. Я думаю, что вам следует отправиться к твоим родителям, раз вы хорошо общаетесь, и провести некоторое время у них. Думаю, что сейчас важно дать ей понять, что у неё, вопреки случившемуся,

осталось много близких и любящих её людей.

– Пожалуй, ты прав. Наверно, так и поступим.

– Я, к сожалению, вынужден завтра днём улететь отсюда, но я всегда буду на связи. Мой номер у тебя есть. И, да, раз ни родителей, ни Игоря больше нет, то получается, что мы с Верой остаёмся единственными наследниками квартиры и участка – мне ничего не нужно. Подготовьте бумаги и распродайте всё или оставьте себе. В любом случае я ни на что не претендую – ни дачу, ни квартиру я никогда не считал своими. Когда приеду в Питер, узнаю у своего юриста, что от меня требуется: наверное, нотариально заверенный отказ от вступления в наследство или дарственная на имя Веры. Узнаю, в общем, и всё сделаю.

– Хорошо, я передам Вере. Спасибо! Думаю, что это всё не к спеху. В ближайшее время она вряд ли этим всем готова будет заниматься.

Мы подъехали в отелю, в котором жили Олег с Верой, и я сказал, что хотел бы попрощаться с сестрой, так как завтра, вероятно, не успею повидаться с ними. Таксиста я попросил подождать минут пятнадцать. Мы тихо зашли в номер и увидели мирно спящую на кровати Веру. Я сел рядом с ней и погладил её по тёплой щеке.

– До свидания, Верусь! Скоро ещё увидимся! – тихо прошептал я и, поцеловав её в лоб, встал и направился к выходу, задержавшись на мгновение.

– Олег, Вера говорила, что ты ей какие-то антидепрессан-

ты даёшь. Можешь мне пару таблеток дать? – спросил я.

– Конечно, сейчас. Только ей их по рецепту продали: врач выписал, так что соблюдай инструкцию! – сказал Олег и тихо приоткрыл ящик стола, доставая упаковку. – Тебе сколько?

– А как их пить?

– По одной не более двух в день и не более семи дней подряд, – Олег тихонько достал инструкцию из упаковки и протянул мне.

– Инструкция не нужна, я понял. Дай две и стакан воды, если можно.

Проглотив одну таблетку антидепрессанта и ещё одну болеутоляющего, я поблагодарил Олега и попрощался с ним, но, открыв дверь, я остановился на пороге: – Слушай, Игорю же ведь какие-то похороны надо будет организовывать. Вы этим займётесь?

– Я всё устрою, когда нам в морге отдадут то, что от него осталось.

– Я тебе переведу пятьдесят тысяч. Не знаю, почём нынче обходятся похороны, но уверен, что недёшево. Тем более, двое похорон подряд. Если нужно будет ещё, то скажи, и я ещё переведу. Правда, раньше, чем в следующую пятницу, у меня вряд ли будут деньги. Какая-то чередка совершенно непредвиденных расходов навалилась, и нужно зарплаты дожидаться.

– Не переживай, мы разберёмся! Не нужно денег.

– Я всё-таки переведу. Я же тоже родственник погибших,

неправильно, если только вы с Верой всё оплачивать будете! – промолчав пару секунд, я добавил: – Но на похороны Игоря меня не ждите, хорошо?

– Конечно, нет проблем!

– До встречи на свадьбе, Олег! Мне очень приятно было с тобой познакомиться! Не знаю, что бы мы с Верой здесь без тебя делали, если бы ты не поехал.

– Пока. Я тоже рад был наконец познакомиться! Спасибо за всё!

Погрузившись на заднее сиденье такси, я попросил водителя отвезти меня в мой отель. Когда мы доехали, я рассчитался и сел на скамье перед входом в гостиницу, облокотился назад и полулёжа закурил. Струйка синего дыма, извиваясь, поднималась наверх, к тёмному звёздному небу, замедлялась и растворялась где-то далеко вверху. Как же давно я не видел звёздного неба: оно прекрасно! Смотря на эти сотни звёзд, ярких и блеклых, хаотично рассыпанных на чёрном полотне сверху, я представлял, как всё-таки бессмысленно большинство происходящих в мире вещей. Термоядерные реакции, произошедшие десятки и сотни лет назад в недрах огромных огненных шаров, находящихся в миллиардах километров от меня, породили фотоны, которые успешно пересекли колоссальное расстояние лишь для того, чтобы поглотиться сетчаткой моих глаз. Насколько же это всё бессмысленно! Изменилось бы что-то во Вселенной от того, что нашей планеты просто бы не существовало? Все наши цели, страхи и со-

мнения, отвага, любовь и преданность – абсолютное ничто в масштабах даже нашей галактики. Рождение человека, его фактическое существование в течение менее века и последующая смерть, в масштабах Вселенной, существующей более тринадцати с половиной миллиардов лет, очень напоминает квантовые флуктуации вакуума, которые мы проходили на четвёртом курсе, за одним лишь исключением: виртуальные частицы всегда рождаются со своей парой – античастицей, а человек рождается и умирает один. И это очень печально.

Живот проурчал от голода, и я поднялся для того, чтобы дойти до ресторана, который находился при отеле. Переведя взгляд со звёздного неба на вход здания, мне показалось, что ярко светящаяся вывеска с его названием, ещё вчера вечером казавшаяся мне режущей глаза своим холодным белым светом, излучала тепло, и её желтоватый оттенок был скорее мягким. По краям она расплывалась, как будто я смотрел на неё через слегка запотевший объектив телефона. При входе в ресторан меня встретила администратор зала.

– Простите, уже полдвенадцатого, тридцать минут назад мы перестали принимать заказы на еду, но Вы можете заказать что-либо из бара.

– Я понимаю, но, вы знаете, я просто до безумия хочу есть. Наверняка у Вас есть хоть что-то, что я бы мог заказать, не напрягая при этом собирающегося домой повара. Вы могли бы уточнить, может ли он на скорую руку мне приготовить что-нибудь? Я готов съесть даже просто какой-нибудь бутер-

брод с чаем.

– Минутку! – администратор вежливо улыбнулась и пошла на кухню. В тот момент, когда она отворачивалась и начинала двигаться к повару, я заметил, как её вежливая улыбка переросла в раздражённую гримасу. Бедная девочка, наверно, весь день на ногах. Я бы тоже не обрадовался такому позднему посетителю. Через пару минут она подошла ко мне с меню и указала на пару простых салатов и вторых блюд. Я заказал греческий салат и пасту с морепродуктами, так как они показались мне наиболее простыми, а я не хотел никого сильно утруждать.

Сев за столик, я стал рассматривать висящую на стене передо мной декоративную карту мира, которая представляла собой выпаянные на огромной доске контуры материков и наибольших островов, типа Новой Зеландии, Мадагаскара и Великобритании. Справа от Северной Америки располагалась Гренландия. Хотел бы я там когда-нибудь побывать. В голове всплыл научно-популярный фильм про Фритьофа Нансена, который мы смотрели с женой в общежитии, когда были студентами. Великий он был человек! Интересно, как было пересекать на лыжах такой огромный остров? Наверное, ему было тяжело, но это не сравнить с его путешествием к северному полюсу и тем, как ему удалось выжить посреди заснеженных льдов, бросив свою команду, сидящую хоть и в замурованном льдами, но всё-таки тёплом и уютном корабле, где было полно еды, в попытках найти для них по-

мощь. Что он чувствовал, убивая и поедая прежде преданных ему собак, которые были в его упряжке, в собственно-ручно собранной иглу? И ведь он выжил, а когда вернулся из Заполярья, вёл активную социально-политическую деятельность, помогая беженцам из разорённых войной стран. Я помню, что он был моим героем после просмотра этого фильма: будучи студентом я хотел быть таким же отважным и добродетельным, как он. Правда, давно я не вспоминал о нём и о том, что он успел за свою жизнь сделать. Кажется, он был разведён и остаток жизни жил со второй женой. Если это действительно так, то, может, быть разведённым не такое уж и плохое клеймо на биографии человека, раз даже Нансен был дважды женат?

В мыслях я перенёсся на середину бескрайней заснеженной белой пустыни, где не было видно ничего, кроме снега, вплоть до горизонта. Снежинки медленно падали мне на ладони и таяли, оставляя после себя небольшие капельки воды. У каждой снежинки был свой неповторимый узор, но все до единой почему-то были шестиугольными. Прозрачные сростки кристаллов, угловатые и переливающиеся белым светом в лучах полной луны, оставляющей позади меня тёмную тень...

– Молодой человек! Ваш заказ у Вас на столе! – официантка стояла рядом, а передо мной на столе располагались тарелки с заказанной едой и чай.

– А? Да, спасибо! Рассчитайте меня сразу, пожалуйста! По

безналу оплачу, – ответил я и полез в карман за телефоном, чтобы рассчитаться, но вспомнил, что его у меня нет. Достал карту. Кажется, официантка была рада тому, что я незамедлительно оплачу заказ и больше не буду её беспокоить.

– Вот ведь меня накрывает! – подумал я, пытаюсь отвлечься от одолевающих меня мыслей про Гренландию и сконцентрироваться на еде. – Действительно отличные таблетки у Веры!

Я быстро поел и даже успел покинуть ресторан до полуночи. Дойдя до номера, я разделся, помылся и, улёгшись на кровать, позвонил на стойку регистрации с просьбой разбудить меня в девять утра. Получив одобрение, я положил голову на подушку, закрыл глаза и провалился в сон.

– Это ты их убил! Ты их убил, маленький ублюдок! – яростно кричал на меня брат, стоя в трёх метрах от меня посреди огромного простирающегося чуть ли не до горизонта заледеневшего озера.

Тонкий лёд трещал под моими ногами, издавая глухой пронизывающий всё тело хруст. Берег был далеко и, упави я под лёд, вряд ли бы смог выбраться.

– Ты убил нашу мать! Из-за тебя отец ушёл из семьи! А теперь ты убил ещё и меня?! Ты! Должен! Страдать! – Игорь смотрел на меня широко раскрытыми глазами, вокруг которых откуда-то из волос стекала бордовая кровь. Он часто тяжело и глубоко дышал, медленно направляя на меня охотничье ружьё.

– Ты! Должен! Страдать! – его палец медленно стал нажимать на курок наставленного на меня ствола ружья.

Лёд трещал всё сильнее – глухой утробный треск. И выстрел. В моей груди в области сердца сквозь продырявленную одежду выступила кровь, но я ничего не почувствовал. Ни боли, ни отдачи – ничего. Он попытался выстрелить ещё раз и ещё, безудержно нажимая на курок, но ружьё больше не стреляло.

Я начал медленно идти навстречу брату. Какой же он был жалкий и беспомощный без патронов! Треск: скрежет десятитонных льдин друг о друга издавался вокруг.

– Ты – жалкая пародия человека! – с гневом ответил ему я. – Ты всегда был пресмыкающимся червём, не имеющим собственного мнения. Если бы ты не бухал и сам отвёз мать домой после праздника, то, может, она осталась бы жива. Ты бы с большей вероятностью смог довести её посреди ночи до дома живой, чем уставший шестидесятилетний старик! Это ты её убил! Ты настолько жалок, что даже не смог её защитить!

Брат стоял на месте и смотрел на меня. Его правый глаз вытекал из глазницы, но в его изуродованном лице отчётливо читался страх. Жирные масляные пятна в области живота на его футболке медленно растекались и краснели, превращаясь в кровавые раны.

– Ты жил как свинья и сдох как свинья, ублюдок! – продолжал я. – Я не убивал мать с отчимом, но я убил тебя. Те-

бя, сука! И будь у меня возможность сделать это снова, я бы опять это сделал! – я замахнулся на него сверху молотком, который оказался в моей правой руке, и начал вбивать брата в лёд, как гвоздь в доску. Я бил его и бил до тех пор, пока он не ушёл под лёд и я не увидел на поверхности воды образовавшейся лунки своё отражение: я смеялся до слёз, смеялся от того, что сделал, смеялся от того, что вокруг меня теперь лишь чистый белый снег и синий лёд и больше нет запаха машинного масла, бензина и крови. Я был один, и мне было хорошо. Под моими ногами был толстый слой прочного льда – он больше не трещал – и лишь мой звонкий смех раздавался эхом от скал, окружающих теперь это круглое небольшое замёрзшее горное озеро.

Я проснулся, вздрогнув от собственного крика. Приподнявшись с кровати, я с трудом разглядел время, которое показывали настенные часы в номере: четыре тридцать семь. Встав на ноги и не включая свет, я наощупь нашёл в кармане штанов вторую таблетку антидепрессанта, проглотил её, запив водой, и снова уснул.

ТРИ ДРУГА

Проснувшись от звонка телефона в девять утра, я поднялся, помылся и, в то время как чистил зубы, понял, что сонной не может связаться ни Саша, ни Лёша, с первым из которых я должен был встретиться уже сегодня во время обеда. Сплюнув пасту, я пошёл к ноутбуку и написал Саше на мейл, что у меня проблемы с телефоном и я позвоню ему в ближайшие пару часов. Надеюсь, что у него синхронизирована почта с телефоном, и он сразу заметит моё письмо – нехорошо получилось.

Торговый центр с нужным мне магазином, продающим технику того бренда телефона, который я искал, открывался в десять, и я после завтрака, не торопясь, собрал сумку, заказал такси и сдал ключи на стойке регистрации. Хороший был отель. Если ещё раз придётся сюда ехать, то снова в нём остановлюсь. Выходя из отеля, я осознал, что почти не хромал: боль в ноге меньше не стала, но я к ней уже привык. Подъехав к уже открывшемуся торговому центру, я сразу купил смартфон и ещё через двадцать минут у меня на руках была восстановленная сим-карта. Пока я смотрел на то, как молодой парень активирует мой телефон и восстанавливает через облако всю необходимую мне информацию, я бегло подсчитал то, сколько денег улетело за последние четы-

ре дня. Вместе со всеми билетами, ресторанами, костюмом, зимней одеждой, телефоном и материальной помощью Вере с Олегом получилось более двухсот сорока тысяч рублей – пора бы начать экономить, а то до следующей пятницы не дотяну. Когда я только окончил ВУЗ и получал свои заслуженные семьдесят пять тысяч в месяц, мне хватало не только на жизнь, но даже удавалось откладывать тысяч по пятнадцать в месяц на сберегательный счёт. Парадоксально, но теперь, получая в среднем чуть более половины миллиона рублей в месяц, я думал о том, как же мне протянуть неделю до зарплаты – абсурдная и нелепая ситуация.

Тем временем сотрудник магазина протянул мне мой гаджет. Как же хорошо снова иметь рабочий телефон! Я снова чувствовал себя частью цивилизации. Одиннадцать пропущенных от Саша и три от Лёши. Я поблагодарил сотрудника и сразу набрал Сашу:

– Привет! Прости, что был недоступен. Ты где?

– Андрей! Ты где? С тобой всё нормально? Дозвониться до тебя не могу со вчерашнего вечера! Я уже начал немного переживать.

– Всё хорошо. Просто забегался вчера и на ходу где-то телефон потерял. Только сейчас новый купил. Всё нормально. Расскажу, как всё прошло, при встрече. Ты во сколько в Толмачёво планируешь быть?

– Выезжать буду через час, в аэропорту буду часа через два, дороги вроде пустые.

– Хорошо, давай тогда в час встретимся там.

– Договорились. Лёше позвони, он тоже переживает.

– Хорошо, сейчас ему перезвоню.

Положив трубку, я написал Лёше, что со мной всё в порядке и я жду скорейшей встречи с ним. Звонить не стал, так как настроения для очередного разговора о том, что вчера случилось и почему я не отвечал, не было. Открыв онлайн-банк, я с ужасом обнаружил, что у меня в сумме по двум моим счетам оставалось чуть более тридцати тысяч рублей. Да уж, ну и жопа! Занимать ни у кого не хотелось, поэтому я нашёл ближайший ломбард и продал свои механические Бом эт Мерсье. Сто двадцать тысяч наличными составляли в лучшем случае половину от их реальной стоимости, но на данный момент мне было на это плевать – главное, что теперь у меня снова были деньги. Отдавая свои часы, я на миг почувствовал себя наркоманом, который в осознании того, что у него нет очередной дозы, продавал свои вещи, лишь бы получить новую порцию удовольствия. Интересно, сколько же я должен получать, чтобы быть полностью удовлетворённым и ни в чём себе не отказывать? Кажется, что такого предела не было. Когда я только окончил ВУЗ, то полагал, что люди, получающие четверть миллиона рублей в месяц – богачи, относящиеся к совершенно иному слою людей. Казалось, что это некая высшая раса, живущая полноценной и абсолютно счастливой жизнью, причём их счастье было гораздо больше того, которое мог испытать я, получая

менее ста тысяч рублей. Оглядываясь назад, теперь я понимал, насколько сильно я ошибался: получая в два раза больше той суммы, которую считал гранью богатства, я был гораздо менее счастлив, чем раньше. Верно говорят, что деньги не приносят счастья, однако убедиться в этом я смог лишь тогда, когда проверил это на собственном опыте. Интересно, изменилась бы моя судьба, если бы я понимал это раньше?

В полпервого я уже сидел в бизнес-лонже аэропорта, пил кофе и отвечал на ноутбуке на наиболее важные письма, пришедшие за вчерашний день, как друг позвонила Вера.

– Алло, Андрей, привет! Ты где?

– Привет, Верусь! Я уже в аэропорту, прости, что пришлось уехать. Как ты себя чувствуешь? Выспалась? Во сколько встала?

– Да только что проснулась. Проспала более семнадцати часов. Олег сказал, что ты вчера заходил. Прости, что не проснулась. Мне жаль, что мы так и не попрощались.

– Не переживай, в любом случае скоро увидимся. Ты себя хорошо чувствуешь?

– Да, всё в порядке. Гораздо лучше, чем вчера. Олег даёт мне таблетки – они помогают.

– Хорошо. Я в ближайшие пару дней возможно буду недоступен, но на следующей неделе можем поболтать по видеосвязи.

– Договорились, я позвоню. Целую!

– Пока.

Её звонок пробудил во мне ужасные воспоминания о вчерашнем дне, о котором я не вспоминал с самого утра. Как же так всё получилось? Я же убил собственного брата! Я убийца. Но ведь это была самооборона: мне пришлось сопротивляться, иначе он бы убил меня! Он пытался переехать меня машиной, а когда ему это не удалось, он решил меня застрелить! В голове снова вспыхнул звук ревущего мотора, тошнотворный запах горящего масла и ствол ружья, приставленный ко лбу, безумные глаза Игоря и хруст костей его черепа. По коже пробежали мурашки, и подкатило чувство тошноты.

Я всегда думал, что смерть человека – это событие, которое меняет всё, но после его смерти ничего не изменилось. Когда он умирал, люди, сидящие в его квартире, накрывали на стол и затем ели приготовленные Верой салаты и вторые блюда, выпивали и обсуждали свои дела. После того, как он скончался, они продолжили жить своей жизнью и, возможно, лишь иногда теперь задумываются над тем, что его нет, сидя на своих работах и исполняя свои служебные обязанности, приходя домой и смотря телевизор. О чём, интересно, в этот момент думал Игорь? О чём он думал утром вчерашнего дня? Какие он планы строил на будущее? На сегодня? Мог ли он представить с утра, что через несколько часов он будет мёртв и что ни одному из его планов на будущее не суждено сбыться? Мне казалось, что если человек умирает, то вся временная шкала мира делится на то, что было до его смер-

ти, и на то, что после. Но когда он умер у меня на глазах, я не ощутил ничего подобного. Я даже не знаю, в какой момент его не стало. Умер ли он после того, как я вторым ударом молотка загнал его нос в область мозжечка, или лишь после тех судорог, которые охватили его в конце? Его смерть была настолько незначительна, настолько обыденна для всего происходящего в тот момент, что остановка его сердца была равносильна остановке поршней двигателя внутреннего сгорания в момент нажатия кнопки «стоп». Неужели так будет и тогда, когда умру я? Что если бы вчера Игорь меня пристрелил? Если люди в этот момент ехали бы за рулём, то они продолжили бы ехать туда, куда планируют. Если бы они в этот момент жевали кусок мяса за обедом, то продолжили бы его жевать, затем проглотили, запили водой, чаем или вином, вытерли салфеткой рот и пошли по своим делам. На работе в первое время Паша с Алиной прекрасно справлялись бы без меня, а затем, думаю, в течение двух недель на моё место поставили кого-либо другого, и всё продолжилось так, как будто меня никогда и не было. Насколько ничтожна жизнь отдельного человека, что её исчезновение ничего в этом мире не меняет? Неужели действительно ничего не изменится? Сегодня меня могло бы уже не быть и что я бы после себя оставил? Кажется, ничего стоящего. Мне даже сложно представить то, какие бы хорошие слова обо мне сказали те, кто собрался бы на моих похоронах, если отбросить формальное выражение сожаления и оставить только искренние мысли?

То, что я хорошо работал? То, что я оставил своей бывшей жене квартиру? Да и пришла бы она на похороны?

Я огляделся по сторонам и вдруг осознал, что мужчина в костюме, сидящий за соседним столиком и читающий новости на планшете, так бы их и читал, будь то место, на котором я сижу, сейчас пустым. Официантка всё так же наливала бы шампанское тем двум девушкам, которые сидят в десяти метрах от меня, а самолёты взлетали бы и садились по расписанию. Саша наверняка всё так же собирался бы улететь в ближайшее время на самолёте в Мурманск, чтобы оттуда поехать на обсуждение сделки. Если после моей смерти ничего не изменится, то равносильно ли это тому, что меня уже нет? А может, меня ещё и не было?

– Здорово, Андрей! – воскликнул с улыбкой Саша, зайдя в зал и раскидывая руки для того, чтобы обнять меня.

– Привет! – я встал, чтобы поприветствовать его. – Как же я рад тебя видеть!

Саша сжал меня так, что хрустнули позвонки между лопатками. Со стороны он напоминал огромного медведя: ростом метр восемьдесят пять и весом раза в два больше меня. Он не был качком и не страдал ожирением, он просто в целом был большой. Вид у него был такой, что многие люди его побаивались, но на самом деле он был добрым и жизнерадостным человеком – по крайней мере, я видел его таким. Выглядел Саша весьма анахронично и всем своим обликом напоминал бандита из девяностых. Я был слишком

мал тогда – или слишком удачлив – для того, чтобы их ни разу не видеть, но по рассказам старшего поколения представлял их именно так. Я знал объяснение его облику и его манерам в общении с малознакомыми людьми, хотя вряд ли он сам в полной мере осознавал то, почему он такой. Думаю, что именно поэтому мы, вопреки нашим различиям, находим с ним общий язык. Он рассказывал мне это в один из тех разов, когда мы с ним подвыпившие сидели в бане.

Не знаю, чем именно занимался его отец, но в девяносто восьмом году, когда Саше было шестнадцать лет, его отца с матерью и двумя телохранителями почти в упор расстреляли в машине, когда те стояли на светофоре. К счастью, Саша был тогда в школе, из которой после произошедшего его в экстренном порядке забрал один из сотрудников отца. Мне кажется, что Саша так и не смирился со смертью родителей, и он так любил своего отца, что с тех пор пытался сделать его частью себя – пытался стать им. Не думаю, что его отец выглядел бы сейчас так, как выглядит Саша, но именно таким Саша его запомнил. И именно таким он выглядит для многих из тех, кто его знает... для тех, кто его плохо знает.

Думаю, что потеря близких и, как следствие, вынужденная независимость и самостоятельность к окончанию школы определила то, что нас с ним связывает. Несмотря на то, что наши судьбы очень сильно различались, и во многих вещах мы не всегда могли найти общую точку зрения, мы всегда старались понять друг друга, так как на каком-то базовом

вом, фундаментальном уровне наши взгляды на происходящее совпадали.

– Как добрался? На маршрутке? – с ухмылкой спросил я.

– Ага, только мест свободных не было, стоять пришлось всю дорогу! – рассмеялся Саша. – Я в Томске почти неделю был, взял в аренду мерседес и тут в аэропорту сдал его. Переплевался весь. Ты прикинь, у них только седаны были: хрен залезешь, сидишь в сиденье как будто в гамаке лежишь, и так низко, что вообще нихера не видно, что на дороге творится. Уж лучше бы Патриота арендовал, но коллеги бы меня точно не поняли.

– Да уж, беда. На мерседесе пришлось ездить – врагу не пожелаешь.

– Ой, да хватит тебе! Как у тебя всё вчера прошло? – улыбка у Саши пропала, и он был немного озабочен.

– Хм, знаешь, прошло все немного хуже, чем ожидалось, – ответил я и рассказал ему о том, что после похорон матери и отчима мой брат поехал на дачу и там сгорел, после чего остаток дня мы провели, общаясь с полицейскими и разгребая завалы сгоревшего дома.

Саша молчал и смотрел на меня, вытаращив глаза:

– Ну и жуть! Но ты же с ним вроде не общался, да? Может, он покончил жизнь самоубийством? Вдруг он не смог пережить утрату родителей и сам устроил пожар? Слишком уж маловероятно, что такие события независимо произошли друг за другом.

– Может, так и есть. Полицейские к концу дня пришли к выводу о том, что он напился – а он, как сказала Вера, в последние несколько лет много пил – и недосмотрел за огнём на плите.

– Возможно, но в любом случае история кошмарная! – Саша на мгновение задумался и продолжил: – Знаешь, я на вечер баньку заказал – попаримся, развеемся. Если хочешь, то и девочек найдём. Хочешь?

– Банька – это хорошо, но девочек не надо! – сказал я, задумавшись о том, зачем он меня всегда тащит в баню. Там же так жарко, неужели от этого действительно можно получать удовольствие? Я расслабляюсь после бани скорее от мысли о том, что наконец-то мы из неё вышли. – Да и какие девочки?! Ты же женат!

– Так я тебе, а сам только смотреть буду.

– Саша, ты больной извращенец! Мне теперь будет не по себе от мысли о том, что ты не против посмотреть на то, как я занимаюсь сексом с проституткой.

– А что такого-то? То есть порно смотреть по телевизору можно, а вживую нельзя?

– Я не знаю, что тебе на это ответить, но девочек точно не нужно! И если ты в будущем решишь предложить мне устроить для тебя живое порно с моим участием, то можешь заранее знать, что мой ответ – нет!

– Ну ладно. Сегодня втроём будем: Лёша прилетит в Мурманск через час после нас.

– Да, я знаю. Он мне уже сказал. А что у тебя там за дела? Что за завод?

– Завод по добыче минеральной руды почти обанкротился, продают часть собственности по дешёвке. Я с юристами и экономистами своими всё обсудил, и мы решили вложиться. Сошлись на контрольном пакете, так что большинство решений по развитию предприятия в случае покупки буду принимать я, но полностью продать отказались. Должно всё окупиться через год, в худшем случае – через два. Опыт у меня есть, так что раз два завода на Урале тяну, то и с третьим проблем не будет. К тому же, с учётом нынешней ориентации правительства на освоение Арктики и северных территорий, можно будет неплохо заработать на налогах. Может, ещё и субсидии какие-нибудь удастся получить... – Саша мечтательно смотрел в потолок холла.

Я в очередной раз задумался над тем, какой у Саши доход. Я получал немало, но он – если и не на порядок больше, то уж точно в несколько раз больше меня.

Самолёт немного задержали, и, судя по всему, нам придётся бежать в Домодедово на рейс до Мурманска, так как времени на пересадку у нас всего пятьдесят минут. В кресле бизнес-класса было комфортно, хотя, как мне показалось, Саше даже в нём было тесновато. Думаю, что если бы он летал эконом-классом, то сидящие рядом с ним люди прокляли бы тот день, в который летели с ним. Под нами была лёгкая дымка, сквозь которую лишь немного было видно очер-

тания города. Как же хорошо улетать отсюда после всего того, что произошло! Не хотел бы я всё-таки сюда возвращаться.

– Саш, как ты считаешь, я хороший человек? – спросил я во время обеда в самолёте, макая камамбер в абрикосовый джем.

– Конечно, хороший, как и я! – ответил он. – А ещё мы с тобой очень умные и скромные... Да, пожалуй, скромность – наше главное с тобой качество.

– Да я серьёзно. Ты никогда не задумывался над тем, каково предназначение твоей жизни?

– С тобой точно всё в порядке? Если тебе нужно обсудить то, что вчера произошло, то я тебя, конечно, выслушаю, но, может, тебе стоит обратиться к психотерапевту? Без шуток. Сам я считаю это полной фигнёй, но жена ходит и говорит, что ей нравится. Хотя, что она там с ним обсуждает, я понять никак не могу: живёт в шоколаде, я ей, по-моему, всё дал, что требуется для счастливой жизни, а она всё равно нашла что перетирать с ним. Ещё и меня пыталась к нему затащить. Хочешь телефон у неё спрошу?

Интересно, как бы я обсудил с психотерапевтом то, что после того, как я размозжил голову брата и взорвал его труп на мелкие кусочки, я впал в депрессию на фоне того, что не могу понять смысл своей жизни? Забавный был бы разговор. Интересно, какая у него была бы реакция от услышанного? Обязан бы он был сообщить об этом в полицию? Кажется,

что убийство или намерение убить кого-то не попадает под врачебную тайну. А может, написать художественный роман, в нём вскользь упомянуть об этом инциденте и дать ему почитать?

– Да есть у меня психотерапевт, хожу иногда. Быть может, обсужу с ним это, когда буду посвободнее. И тем не менее, задумывался ли ты когда-нибудь об этом? Я задумывался раньше, но, видимо, слишком поверхностно. А вчера, смотря на всё происходящее, понял, что не знаю, что я оставлю после себя. У тебя хоть дети есть, по крайней мере, ты свою биологическую функцию выполнил, хотя я не об этом. Ты же знаешь, я атеист и не верю в то, что у каждого из более чем семи миллиардов ныне живущих людей есть предназначение, данное свыше. Но всё же, не хотелось бы думать о том, что мы живём лишь для того, чтобы родить детей и умереть.

– Вот тебя понесло! – Саша задумался, разглядывая в руках пустую кружку из-под кофе. – Я думал над этим, но какого-то фундаментального ответа не нашёл. В конце концов, я производю реальный продукт – сталь. Она же много для чего используется и помогает человечеству создавать блага цивилизации, типа зданий, мостов и много чего другого. А теперь, быть может, ещё и фосфор будем добывать, тоже вещь полезная, на удобрения пойти может. Наверное, это и есть мой смысл жизни – быть звеном при преобразовании природных ресурсов в полезные для человечества вещи. Ты же ведь тоже производишь нужную человечеству вещь – топли-

во. А ведь без него сложно вообще представить какой-либо промышленный процесс. Тоже важная вещь.

– Это, конечно, так. Но... – доводы Саши были убедительны, но я чувствовал, что они для меня неудовлетворительны. – Но ведь есть много других людей, производящих сталь и топливо. Если бы мы этим не занимались, то это делал бы кто-то другой. Я имею в виду то, что если бы нас с тобой не было, то вряд ли бы что-то изменилось. Ты же ведь, по факту, ни один из заводов не строил с нуля. Конечно, ты многое сделал для того, чтобы их поставить на ноги, но ведь они уже были. Если бы не ты за них взялся, то их купил бы кто-нибудь другой. Я прекрасно помню, как ты участвовал два года назад в тендере. Желающих немало было.

– Знаешь, думаю, что действительно мало что изменилось бы, не будь нас, но суть в том, что мы есть, и это свершившийся факт. Так же, как и есть все остальные люди. Вопрос не в том, кто есть, а кого нет, а в том, как каждый из нас пользуется тем, что он – есть. По крайней мере, мы с тобой люди, а прикинь, если мы бы родились медузами. Вот плавали бы с тобой в океане и дёргали щупальцами. Вот тут реально тупик существования... Не хотел бы я быть медузой!

– И что на твой взгляд является правильным использованием своего существования, а что – нет?

– Ох, Андрей, может, выпьем? Я как-то не готов был к таким серьёзным разговорам. Хотя нет, мне же за руль ещё, до Апатитов машину уже зарезервировал. Вечером в бане бух-

нём. Я не знаю, где граница правильного существования и неправильного, но очевидно, что она есть. Ведь совершенно очевидно то, что есть люди, живущие правильно, а есть те, что неправильно. Вот мы живём правильно, приносим пользу людям, а какой-нибудь пропитый вонючий бомж, подбирающийся на помойке, совершенно точно живёт неправильно: если бы его не было, то всем, кто живёт рядом с ним, было бы лучше.

– То есть, смысл жизни человека – быть полезным другим людям?

– Почему бы и нет. Да, пожалуй, это так. Не думаю, что это единственный правильный вариант, но то, что он правильный, я не сомневаюсь.

– Но что если ты полезен лишь тем людям, которые не полезны другим? Является ли твоя жизнь благодетельной, если ты помогаешь тем, от существования которых окружающим наносится вред? Например, если бы ты помогал только насильникам и убийцам? По сути, ты потворствуешь тем, кто наносит ущерб человечеству. Выходит, что в таком случае ты тоже опосредованно вреден людям.

– Безумная ситуация какая-то! Зачем мне помогать насильникам и убийцам?

– Да, я утрирую. Представь, вот производишь ты сталь, продал её, и пустили её на производство ножей, которыми маньяки режут своих жертв. Не продай ты сталь – и жертв бы было меньше. Или, например, начнёшь ты производить

фосфор, хотя подозреваю, всё же, что оксид фосфора, а его половина из покупателей использует для того, чтобы ослепить беззащитных детей, а вторая половина превысит нормы удобрения почвы и потравит урожай тех, кто купит их овощи. Не будь у них оксида фосфора, всем было бы лучше.

– Понимаю, о чём ты. Но мне кажется, что в таком случае нужно разграничивать ответственность. Ведь я сделал доброе дело – произвёл некоторое материальное благо, а то, что его используют в дурных целях – это ответственность уже других людей. Можно ли, например, обвинять матерей Гитлера и Сталина за то, что они их родили? Виноваты ли они? Не думаю. Всё-таки, они сделали доброе дело, родили детей, выполнили своё женское предназначение, а то, что их дети причастны к смерти десятков миллионов людей – это уже не их вина.

– Но ведь они воспитывали их так, что они выросли тиранами.

– Не думаю, что только они к этому причастны. Тогда и мир не был настолько антропоцентричен, как сейчас, мне кажется. Окружение и общая идеология того времени сыграли большую роль. Но даже если они выросли такими из-за их воспитания, не думаю, что их матери целенаправленно растили их тиранами, истребившими в последствии заметную часть населения планеты. Вот если бы они это целенаправленно делали, то да, они были бы виноваты.

– А если бы они убили только тех людей, которые были

бы вредны для общества?

– Тогда, полагаю, они были бы героями. Сотрудники спецназа ведь убивают террористов и, в общем-то, молодцы – защищают добропорядочных людей. Или, например, в Америке применяют смертную казнь к особо жестоким убийцам – тоже правильно поступают.

– Выходит, если кто-то убивает добропорядочного человека, то это плохой поступок, а если убивают человека, приносящего вред обществу – то хороший?

– Да, полагаю, что так.

– А если убить нейтрального человека? Человека, от которого обществу нет ни пользы, ни вреда, то это в таком случае, на твой взгляд, нейтральный поступок?

– Хороший вопрос, но я не могу понять, как человек может быть абсолютно нейтрален для общества. Мне кажется, что это какая-то невозможная ситуация.

– Ну, например, количество добрых поступков человека примерно равно количеству или качеству его злых дел. Что тогда? Должна же быть золотая середина. Более того, полагаю, что большинство ныне живущих людей относится именно к такому типу людей – нейтральные, заменяемые, бессмысленно существующие.

– Ну, Андрей, может, оно и так, но всё же я бы считал это неправильным поступком. Убийство само по себе, как таковое, нехорошо. Да и зачем убивать человека, который настолько нейтрален, что не даёт повода для того, чтобы его

прикончить?

– Не знаю... но ведь на планете и так слишком много людей. Получается, что если не станет одного нейтрального человека, то в целом мир станет лучше?

– Если придерживаться настолько абстрактной точки зрения, то, наверно, это так, хотя это всё равно было бы аморальным поступком. Ведь если мы говорим об отдельном человеке, то он не абстрактен, у него есть свои мысли, желания, стремления. И пусть даже он совершенно, как ты говоришь, нейтрален для общества, он всё же априорно заслуживает жить, раз уж он родился.

– Согласен.

Остаток полёта до Москвы мы пролетели в полном молчании. Наверное, Саша так же, как и я, обдумывал наш разговор. Я думал над тем, было ли убийство напавшего на меня брата правильным поступком или нет. Если бы я не убил его, то он мог бы убить меня. Если так, то чья жизнь ценнее? Моя или его? Полагаю, что всё же моя. К тому же, это же ведь он заварил всю эту кашу: я, может, в глубине души и желал ему зла, но уж точно не думал о том, чтобы убить его, а он думал. Всё-таки, это было правильным решением проблемы. А если бы я его не убил, а только покалечил? Наверное, это было бы даже хуже. Пришлось бы его содержать либо мне, либо Вере, либо налогоплательщикам, а он бы ещё и мучился, если бы не стал овощем. Да, пожалуй, я всё сделал правильно. Тем не менее, я никак не могу понять, почему он не выстрелил?

У него было много времени, чтобы сделать это. Будь я на его месте, я бы выстрелил сразу и даже не стал бы устраивать всю эту демагогию о том, какой я был паршивый сын и брат. Или он был настолько уверен в своём превосходстве в данной ситуации, что полагал, что у него есть столько времени, сколько ему заблагорассудится? А может, он вообще не хотел меня убивать, а просто пытался запугать? Или хотел, но духу не хватило? Очередной вопрос, на который я никогда не узнаю ответ.

Самолёт приземлился, и мы с Сашей приготовились побежать на стыковочный рейс. Как же мало времени! Осталось всего двадцать минут. При выходе из самолёта нас встретил сотрудник аэропорта:

– Андрей Александрович, Александр Сергеевич, пройдёмте за мной! – вежливым и спокойным тоном произнёс он.

– В чём дело? Мы на самолёт опаздываем! – с раздражением оборвал его Саша.

– Именно для этого я здесь. Посадка почти завершена, поэтому я сопровожу вас напрямую к самолёту.

– Спасибо! – ответил я, и мы проследовали за молодым человеком.

Через пять минут мы уже сидели в наших креслах и ждали взлёта. Лёша написал мне сообщение о том, что он уже зарегистрировался на рейс и ждёт посадку в Питере. Всё складывается наилучшим образом, и через три с половиной часа мы уже все встретимся в Мурманске.

Не успели мы взлететь, как я закрыл глаза и уснул. Толстый слой синего льда под ногами был настолько прозрачен, что было видно, как под ним плавают серебристые мелкие рыбки. Я медленно шёл, смотря себе под ноги, и разглядывал струящиеся под ногами снежинки, которые задувало на лёд с заснеженного берега, как вдруг увидел плавающего подо льдом Игоря: заметив меня, он начал бить по льду, чтобы вылезти и схватить меня, но всё было тщетно: такой толстый лёд ему не разбить. Глухой звук ударов по льду остался позади меня, и вскоре я увидел плавающих подо льдом Гитлера и Сталина – они не шевелились и, кажется, были мертвы, а может, просто спали. Подняв взгляд, чтобы посмотреть вперёд, я увидел стоящую на берегу пожилую женщину, одетую в чистый выглаженный бирюзовый халат с розовыми цветками, который резко контрастировал с её обожжённой и язвенной кожей рук и лица. Она стояла в домашних красных тапочках прямо у края берега. Было не по себе от её пристального неморгающего взгляда на меня и совершенно жутко от её внешнего вида. Увидев её, я попятился назад, но она меня не преследовала, а лишь молча стояла и смотрела мне в глаза.

– Андрей! – открыв глаза и увидев лицо Саши в пяти сантиметрах от моего носа, я резко отпрянул – я уснул у него на плече. – Приземлились. Давай просыпайся!

– Ага, – ответил я, пытаюсь понять, где я, и отрешаясь от поганого ощущения от приснившегося сна. – Сколько я

спал?

– Да всю дорогу. Уснул, как сел в кресло. Лёша будет через пятьдесят минут. Можем пока взять вещи и переодеться. Тут прохладно, всего два градуса.

– Да, пойдём.

– Машину уже подогнали. Надо пойти документы оформить. Минут тридцать займёт. Как раз, пока всё сделаем, уже Лёша прилетит, и погоним заселяться в гостиницу и в баньку. Выспался?

– Да вроде того. Дурной сон приснился.

– Ну надо думать, после того, что вчера произошло!

А про бабку-то я и забыл. Ведь я видел из кустов в лесу, как она стояла рядом с домом и звала на помощь. Вероятно, именно о ней капитану полиции и сообщил его коллега, когда мы приехали. Среди всего того, что вчера было, я совсем не задумался над смыслом его слов. Умерла, значит.

– Андрей, что встал? И где твоя сумка? – окликнул меня Саша, уйдя уже метров на десять вперёд.

– Блин, в самолёте оставил! – надо взять себя в руки. – Ты иди машину оформляй, а я сейчас подойду!

Зачем бабка вышла тогда к дому? Неужели она думала, что сможет его потушить? Там же такой жар стоял, как она вообще могла находиться в такой близости от полыхающего дома? Напрасно. Напрасно она там стояла. Но сама виновата: её к дому никто не тащил, да и уверен, что она должна была знать, что в доме баллон с газом. Любопытной Варваре на

даче взрывом нос оторвало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.